

ВЫБОР МЕЖДУ ПРАВОСУДИЕМ И МЕСТЬЮ.

NEW YORK TIMES BOOK REVIEW

МАЙКЛ
КОННЕЛЛИ

В МИРЕ ПРОДАНО БОЛЕЕ **74 000 000** КНИГ МАЙКЛА КОННЕЛЛИ

ЧЕРНОЕ ЭХО

Гарри Босх

Майкл Коннелли

Черное эхо

«Азбука-Аттикус»

1992

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44

Коннелли М.

Черное эхо / М. Коннелли — «Азбука-Аттикус», 1992 — (Гарри Босх)

ISBN 978-5-389-16991-3

В полицию Лос-Анджелеса поступает анонимный звонок: в сточной трубе на дамбе найдено тело неизвестного. Похоже на типичную смерть наркомана от передозировки. Но блестящее чутье полицейского помогает детективу Гарри Босху замечать то, чего не видят другие. Он уверен: этого человека убили, а перед смертью пытали. Босх узнает убитого – двадцать лет назад они вместе воевали во Вьетнаме, таких солдат называли «туннельными крысами». Кому понадобилось убивать ветерана войны, тем более плотно сидевшего на игле? Какую тайну он скрывал? Когда выясняется, что убийством интересуется ФБР, а самого Гарри отстраняют от расследования, он решает поймать убийцу, применяя собственные методы. Это становится для него делом чести. Роман открывает знаменитую серию о детективе полиции Лос-Анджелеса Гарри Босхе, имя которого нарицательно – оно выбрано в честь художника Иеронима Босха, средневекового гения, чьи картины до сих пор не расшифрованы...

УДК 821.111(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-389-16991-3

© Коннелли М., 1992

© Азбука-Аттикус, 1992

Содержание

Часть I	6
Часть II	47
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Майкл Коннелли

Черное эхо

Michael Connelly
The Black Echo

© 1992 by Michael Connelly

© Н. А. Кудашева, перевод, 2006

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2019

Издательство АЗБУКА®

* * *

Посвящается В. Майклу Коннелли и Мэри Макэвой-Коннелли

Часть I

Воскресенье, 20 мая

Мальчишка не мог видеть в темноте, но этого и не требовалось. Жизненный опыт и длительная практика в таких вещах подсказывали ему, что это и к лучшему. Ровно и гладко... Плавные взмахи с полным вынесением руки вперед и одновременным подворачиванием кисти... Главное – не останавливаться. Никакой суеты и спешки. Восхитительно...

Он слышал шипение выходящей из баллончика тугой струи и чувствовал приятную равномерность движения, покатость твердой поверхности. Все это были ощущения, для него успокаивающие. Запах напомнил ему о другой краске – той, что лежала у него в кармане, в носке, и он подумал, что неплохо бы приложиться, словить кайф. Не сейчас, пожалуй, решил он. Попозже. Ему не хотелось останавливаться до тех пор, пока в одно касание не завершит свою настенную роспись.

Внезапно он остановился: перекрывая шипение краскораспылителя, до него донесся звук мотора. Парень огляделся, но не увидел никаких огней, если не считать серебристо-белого лунного отблеска на резервуаре и тусклой лампочки над дверью насосной, на полпути через плотину.

Однако звук не стихал. Явно приближался какой-то транспорт. Малому подумалось, что звук похож на шум грузовика. А затем ему показалось, что он слышит хруст гравия под покрышками вдали, на подъездной дороге, окаймляющей резервуар. Все ближе и ближе. Было почти три часа ночи, но тем не менее кто-то сюда приехал. Зачем? Чего ради? Парень выпрямился и швырнул баллончик через ограду, в сторону воды. Он услышал, как металл звякнул в кустах, не долетев. Он вытащил из кармана носок и решил быстро нюхнуть разок, для храбрости. Уткнулся носом и жадно втянул в себя пары краски. Его качнуло назад, и ресницы непроизвольно вздрогнули. Потом, размахнувшись, мальчишка швырнул носок за ограду.

Он поднял свой мотоцикл и через дорогу стал отводить его назад, туда, где у подножия холма были заросли полевого хвоща. Это хорошее укрытие, подумал он, оттуда можно увидеть все, что происходит. Звук мотора был теперь совсем близко. Парень был уверен, что машина находится совсем близко: еще каких-нибудь несколько секунд – и она появится. Но почему-то не было видно света фар. Это его озадачило. Но бежать все равно было уже поздно. Положив мотоцикл набок, он спрятал его в высокой коричневатой траве и ладонью остановил вращение переднего колеса. Затем припал к земле и стал ждать приближения кого-то или чего-то.

Гарри Босх слышал шум вертолета где-то там, высоко, над темнотой. Вертолет стрекотал в вышине, делая круги. Почему он не приземляется? Гарри двигался сквозь темный, задымленный туннель, и батарейки его ручного фонаря издыхали. С каждым преодолеваемым ярдом луч делался все слабее. Гарри нужна была помощь. Ему нужно было двигаться быстрее. Ему нужно было достичь конца туннеля прежде, чем свет погаснет и он останется один в крошечной тьме. Он слышал, как вертолет сделал еще один заход. Почему он не приземляется? Где же вожаемая помощь? Когда стрекотание лопастей донеслось уже издалека, он почувствовал, что в нем нарастает ужас, и стал ползти быстрее: на четвереньках, на ободранных и кровотокающих коленях, одной рукой направляя тусклый луч вверх, а другой неуклюже цепляясь за землю, чтобы удержать равновесие. Он не оглядывался, так как знал, что враг находится у него за спиной, в этой черной мгле. Пускай невидимый, но он был там. И неумолимо приближался.

На кухне зазвонил телефон, и Босх разом проснулся. Он считал звонки, пытаясь вспомнить, включил ли автоответчик.

Нет, не включил. Телефонный вызов не был принят, и звонки продолжались, пока он не насчитал их восемь. Босх рассеянно размышлял, откуда пошла эта традиция. Почему не шесть? Не десять? Он протер глаза и огляделся. Опять он уснул – скорее, провалился в сон – у себя в комнате, в мягком кресле, которое являлось главным предметом его скромной мебелировки. Про себя Гарри именовал это кресло своим сторожевым постом. Это было, однако, неправильное употребление термина, поскольку он частенько засыпал в нем, даже когда не был настороже – иначе говоря, не ждал вызова.

Утреннее солнце пробилось сквозь щель в занавесках и прочертило полосу на выбеленном сосновом полу. Гарри наблюдал, как возле раздвижной застекленной двери лениво плавают в луче света частички пыли. Лампа на столике рядом с креслом горела, тихонько бормотал у стены телевизор – шла утренняя воскресная программа о любви к Иисусу. На столе лежал набор предметов, извечных друзей человека, страдающего бессонницей: игральные карты, журналы и детективные романы в мягких обложках (эти последние – едва пролистанные и отбракованные). Была тут также смятая пачка сигарет и три пустые разномастные бутылки из-под пива, некогда входившие в состав различных блоков, по шесть штук одного племени в каждом. Босх был полностью одет – вплоть до помятого галстука, прикрепленного к белой рубашке зажимом из серебра.

Он провел руками вниз вдоль тела, нащупывая брючный ремень, потом завел руку на поясницу. Подождал. Когда зазвонил пейджер, он тут же отключил раздражающее чириканье. Потом снял устройство с пояса и взглянул на номер. Увидев, не удивился. Рывком встал с кресла, потянулся и похлопал себя по шее и спине, разминая затекшие суставы. Прошел в кухню, где на стойке стоял телефон. Прежде чем набрать номер, вынул из кармана пиджака записную книжку и написал: «Воскресенье, 8:53». После двух звонков с другого конца города послышался голос:

– Управление полиции Лос-Анджелеса, Голливудское отделение. У телефона офицер Пелч, чем могу служить?

– Концы можно отдать, пока прослушаешь всю эту музыку, – буркнул Босх. – Соедините меня с дежурным сержантом.

Он нашел в кухонном шкафчике непочатую пачку сигарет и сделал свою первую за этот день затяжку. Ополоснул пыльный стакан и наполнил его водой из водопровода, потом вытащил две таблетки аспирина из пластикового пузырька, также хранившегося в шкафчике. Он как раз глотал вторую, когда сержант по фамилии Краули наконец взял трубку.

– В чем дело, ты что, в церкви? Я звонил тебе домой. Там никто не отвечает.

– Краули, что там для меня?

– Ну, я, конечно, в курсе, что прошлой ночью ты был на выезде по поводу того телевизионного дела. Но ты все еще на дежурстве. Ты и твой партнер. Весь уик-энд. А стало быть, на вашей шее труп у Голливудского накопительного водохранилища. Найден в тамошней дренажной трубе. У подъездной дороги к Малхолланд-дэм. Знаешь, где эта дамба?

– Я знаю это место. Что еще?

– Патрульный наряд уже там. Ведомство патологоанатома и криминалистическая лаборатория извещены. Мои люди пока не знают, что у них на руках, – просто безымянный труп. Дал дуба футах в тридцати в глубине этой самой трубы. Они не хотят сами туда лезть, затаптывать следы и все такое, понимаешь? Я велел им сбросить на пейджер твоему напарнику, но тот так и не отзвонился. Сперва я подумал, может, вы с ним вместе. Потом решил: нет, он не в твоём вкусе. А ты не в его.

– Я с ним свяжусь. Если они не лазили в трубу, то как узнали, что это покойник, а не просто какой-нибудь бродяга, отсыпавшийся после дозы?

– Ну, они слегка углубились, понимаешь? Дотянулись палкой или еще чем и немножко потыкали в этого типа и вокруг. Задубелый, как член у новобрачного.

– Они не хотят затапывать следы, но шуруют вокруг тела палкой. Чудеса! Эти парни что, азов не знают?

– Послушай, Босх, мы получаем сигнал – мы обязаны его проверить. Верно? По-твоему, мы должны переводить все звонки насчет найденных трупов в отдел убийств? Да вы бы там, ребята, через неделю свихнулись.

Босх смял окурок в кухонной раковине из нержавеющей стали и посмотрел в окно. Скользнувший вниз по склону холма взгляд ухватил туристский трамвайчик, который двигался между громадными бежевыми зданиями звукозаписи в Юниверсал-Сити. Одно из этих длинных, в целый квартал, зданий было выкрашено в небесно-голубой цвет, и на нем были нарисованы клочья белых облаков: на случай натуральных съемок, когда настоящее небо над Лос-Анджелесом делалось желто-бурым, как спелая пшеница.

– Как поступил этот сигнал?

– Анонимный звонок в службу экстренной помощи. Вскоре после четырех утра. Диспетчер сказал, звонок поступил из платного таксофона на бульваре. Некто шатавшийся без дела в тех краях обнаружил в трубе труп. Имени звонивший не назвал. Просто сказал, что нашел покойника, вот и все. В коммуникационном центре есть запись разговора.

Босх почувствовал, что начинает заводиться. Он вынул из шкафчика пузырек с аспирином и сунул в карман. Обмозговывая информацию о звонке, поступившем вскоре после четырех, он открыл холодильник и заглянул в него. Он не увидел ничего, что бы его заинтересовало. Посмотрел на свои часы.

– Краули, если звонок поступил в четыре утра, почему ты связался со мной только сейчас, почти пять часов спустя?

– Послушай, Босх, все, что у нас было, – это какой-то анонимный звонок. Понимаешь? Диспетчер сказала, что звонил какой-то мальчишка. Я что, должен посылать своих людей в эту трубу среди ночи после получения такой информации? Это могла быть просто ребячья шалость. Могла быть ловушка. Боже мой, могло быть все, что угодно! Я дождался, пока рассветало и у нас тут стало малость поспокойнее. В конце ночной смены послал туда кое-кого из своих ребят. Кстати, к вопросу об окончании смены: я все еще торчу здесь. Ждал известий от них, потом от тебя. Есть еще какие вопросы?

Босха подмывало спросить, не приходило ли Краули в голову, что в трубе одинаково темно шуровать палкой что в четыре часа утра, что в восемь, но он промолчал. Что толку?

– Что-нибудь еще? – снова спросил Краули.

Босх не мог ничего придумать, но сержант сам заполнил наступившую паузу:

– Гарри, это, скорее всего, просто какой-то наркоман, который сам по себе околдовался. Не похоже на убийство. Такое происходит сплошь да рядом. Черт, да помнишь, в прошлом году мы выудили одного из той же самой трубы? А, нет, это было еще до того, как ты перешел к нам, в Голливудский участок. Так вот, какой-то тип забрался в ту же самую трубу... ну, ты же знаешь, эти безработные, которые мигрируют с места на место в поисках работы, они постоянно там спят. Бродяга, тюрьма по нему плакала, вкатил себе хорошую дозу – и все, отдал концы. Разве что в тот раз мы не сразу его обнаружили, и под воздействием солнца, да еще за двое суток, он спекся в этой трубе. Прожарился не хуже праздничной индюшки. Только вот запах был похуже.

Краули засмеялся собственной остроте. Босх воздержался. Дежурный сержант продолжал:

– Когда мы его вытащили, у него в руке все еще торчал шприц. Ну и здесь то же самое. Дурная работа, и ничего больше, таким случаям нет числа. Быстро туда сгоняешь, а к полудню уже будешь дома, поспишь, может, сходишь и посмотришь «Доджерс»¹. А в следующие выход-

¹ Имеется в виду бейсбольная команда Лос-Анджелеса.

ные будет еще чья-нибудь очередь дежурить. Зато ты свободен, отдыхаешь. А это целых три дня. К следующим выходным примыкает День памяти павших² – он в твоём распоряжении. Так что сделай одолжение. Сходи посмотри, что у них там.

Босх несколько секунд раздумывал и уже собрался было положить трубку, но потом сказал:

– Краули, что ты имел в виду, когда сказал, что предыдущего не сразу обнаружили? Почему ты решил, что этого обнаружили вовремя?

– Мои ребята, которые выехали на место, говорят, что не чувствуют ни малейшего запаха от этого жмурика, разве что мочой пахнет. Он должен быть свеженьким.

– Скажи своим парням, я буду там через пятнадцать минут. Скажи, пусть ничего больше не трогают, не портят мне улики.

– Они только...

Босх знал, что Краули сейчас опять примется защищать своих людей, и дал отбой прежде, чем успел это услышать. Он закурил еще одну сигарету, пошел к входной двери, чтобы подобрать со ступеньки экземпляр принесенной почтальоном «Лос-Анджелес таймс». Разложил двенадцать фунтов воскресной газеты на кухонной стойке, спрашивая себя, сколько же деревьев ради этого пошло под топор. Потом отыскал приложение, касающееся недвижимости, и начал пролистывать, пока не увидел большое рекламное объявление от риелторской фирмы «Вэллей-Прайд пропертиз» – о демонстрации продаваемого жилья. Пробежал пальцем вниз по списку домов, предназначенных для показа, пока не нашел один адрес и описание с пометкой «Спросить Джерри». Босх набрал указанный номер.

– «Вэллей-Прайд пропертиз», чем могу вам помочь?

– Джерри Эдгара, пожалуйста.

Прошло несколько секунд, Босх услышал пару щелчков коммутатора, а затем в трубке раздался голос его партнера:

– Джерри у телефона, чем могу быть полезен?

– Джек, мы только что получили еще один вызов. На Малхолланд-дэм. А пейджера при тебе нет.

– Черт! – сказал Эдгар.

Потом последовало молчание. Босх почти что слышал крутящиеся у того в голове мысли: «У меня на сегодня запланировано три показа!» Молчание затянулось, и Босх нарисовал в воображении своего напарника на том конце провода – в девятисотдолларовом костюме и с нахмуренным лицом банкрота.

– Что за вызов?

Босх рассказал ему то небольшое, что знал.

– Если хочешь, чтобы я сделал это в одиночку, я сделаю, – сказал Босх. – Если возникнут какие-нибудь проблемы с «шеф-поваром», я прикрою. Скажу ему, что ты разбираешься с телевизионщиками, а я занимаюсь жмуриком в трубе.

– Да, я знаю, что ты смог бы меня прикрыть. Ничего, все в порядке, я приеду. Только сначала найду кого-нибудь, кто бы прикрыл меня с этого фланга.

Они договорились встретиться возле трупа, и Босх положил трубку. Он включил автоответчик, взял две пачки сигарет из шкафчика и положил их в карман спортивной куртки. Потом потянулся к другому шкафчику, достал оттуда нейлоновую кобуру, в которой находился его девятимиллиметровый «смит-вессон» – отполированная нержавеющая сталь, – и зарядил его восемью патронами ХТР. Босх вспомнил о рекламном объявлении, касающемся этих пуль, которое видел однажды в полицейском журнале. Речь шла о том, что пуля при ударе расширяется в полтора раза и при достижении конечной глубины проникновения в тело оставляет

² День памяти павших – последний понедельник мая.

раневые каналы максимальной ширины. Кто бы это ни написал, он прав. Годом раньше Босх убил человека одним таким выстрелом с двадцати футов. Пуля вошла под правой подмышкой, вышла ниже левого соска, по пути разнеся в куски сердце и легкие. Вот такая же пуля ХТР. Раневые каналы максимальной ширины. Гарри прикрепил кобуру на пояс с правой стороны с таким расчетом, чтобы можно было дотянуться левой рукой.

Он пошел в ванную и почистил зубы. Без пасты: он хоть и выходил из дому, но забыл заскочить в магазин. Мокрой расческой провел по волосам и уставился в свои покрасневшие глаза. Глаза сорокалетнего человека. Затем изучающе посмотрел на свои седые волосы, которые медленно, но верно вытесняли каштановые в кудрявой шевелюре. Даже усы начали седеть – теперь, бреясь, Босх стал замечать в раковине седые крапинки. Сейчас он провел рукой по подбородку, но решил не бриться. Затем вышел из дому, не сменив даже галстука. Он знал, что его клиент возражать не станет.

Босх отыскал место, свободное от голубиного помета, и облокотился на парапет, тянувшийся по верху Малхолланд-дэм. С губ Босха свисала сигарета. Сквозь просвет между горами он смотрел на раскинувшийся внизу город. Небо было цвета черного пороха, и над Голливудом ядовитым облаком нависал смог. Лишь несколько отдаленных, расположенных в центре города башен прорывались сквозь него, но остальная часть была укутана этим саваном. Лос-Анджелес напоминал город-призрак.

Теплый весенний бриз доносил легкий химический запах, и, приняв его, Босх распознал его. Это был малатион³, инсектицид. Он уже успел услышать по радио, что ночью для борьбы с плодовой мушкой в небо поднимались сельскохозяйственные вертолеты и через перевал Кауэнга-Пэсс опрыскивали Северный Голливуд этим антипаразитным средством. Гарри вспомнил сон с боевым вертолетом, который так и не приземлился.

За его спиной простиралась широкая сине-зеленая гладь Голливудского водохранилища: 60 миллионов галлонов питьевой воды для нужд города, удерживаемых достаточно старой дамбой, перегораживающей каньон между двумя Голливудскими горами. По всей длине береговой линии водохранилище опоясывал шестифутовый обод из засохшей глины – как напоминание о том, что Лос-Анджелес переживает уже четвертый год засухи. А над ним, вокруг искусственного водоема, по всему периметру тянулся десятифутовый забор из проволоочной сетки. Босх по приезде уже обследовал все это сооружение, задаваясь вопросом, служит ли оно преградой для людей, которые находятся по одну его сторону, или же для воды – по другую.

Сейчас поверх помятого костюма на Босхе был надет синий комбинезон. Через двойной слой обмундирования проступали под мышками и на спине пятна пота. Волосы тоже взмокли, усы обвисли. Причина была в том, что он уже слезил в трубу. Теперь он чувствовал, как теплое, ласковое поглаживание ветерка с гор Санта-Ана высушивает эту влагу с его шеи и затылка. В этом году ветры оттуда пришли рано.

Гарри был некрупным мужчиной. До шести футов ему не хватало нескольких дюймов, и телосложения он был худощавого. Газеты, описывая его, употребляли словечко «жилистый». Под мешковатым комбинезоном скрывались мышцы, тугие, словно нейлоновые канаты, – немалая сила при экономности габаритов. Проблескивающая в волосах седина тяготела к левой стороне. Темно-карие глаза редко выдавали эмоции или намерения.

Труба, о которой шла речь, располагалась поверх земли и тянулась на протяжении пятидесяти ярдов вдоль подъездной дороги. Изнутри и снаружи она была покрыта ржавчиной и использовалась только как убежище либо для живописных упражнений с краскораспылителем. Босх так и не смог догадаться о ее назначении, пока смотритель водохранилища добровольно не поделился с ним информацией. Труба являлась рассекателем для грязевых потоков. Ливни,

³ Малатион – инсектицид, фосфорорганическое токсичное соединение.

сказал смотритель, могут размыть почву и вызвать сползание грязи по склонам прямо в резервуар. Труба шириной в три фута, оставшаяся от какого-то неведомого проекта развития района или еще какого бездумного замысла, была проложена в зоне прогнозируемого схода оползней как первый и единственный рубеж обороны. Труба удерживалась на месте с помощью опоясывающего ее железного обода толщиной в полдюйма, а внизу крепилась в цементе.

Прежде чем лезть в трубу, Босх натянул комбинезон, на котором поперек спины были напечатаны белые буквы «УПЛА» – Управление полиции Лос-Анджелеса. Босх вдруг осознал, что спецодежда, пожалуй, почище, чем тот костюм, который он старается уберечь с ее помощью. Но он все равно надел комбинезон, потому что всегда имел обыкновение его надевать. Он был методичным, консервативным, суеверным копом.

Когда он с фонариком в руке забрался в пропахший сыростью и плесенью, давящий и тесный, вызывающий клаустрофобию цилиндр, то почувствовал, как горло стянул спазм, а сердце забилося в ускоренном ритме. Страх. Однако уже в следующую секунду он щелкнул кнопкой фонарика, и темнота отступила, унося с собой неприятные ощущения, и Гарри принялся за работу.

И вот сейчас он стоял на плотине, курил и размышлял о разных разностях. Дежурный сержант Краули был прав: человек в трубе был, безусловно, мертв. Но он был также и не прав. Это нынешнее дело окажется отнюдь не простым. И Гарри не вернется домой рано, чтобы вздремнуть после полудня или посмотреть игру «Доджерс». Дела обстояли неладно. Гарри не успел проникнуть вглубь трубы и на десять футов, как убедился в этом.

В трубе не было следов. Или, точнее, не было следов, полезных для следствия. Днище было покрыто слоем засохшей рыжей грязи и завалено бумажными пакетами, пустыми винными бутылками, ватными тампонами, использованными шприцами, подстилками из газет – всем тем мусором, который остается после бездомных и наркоманов. Гарри тщательно осмотрел это все под лучом фонарика и стал медленно продвигаться к телу. И он не обнаружил ясного следа, оставленного покойником, который лежал головой вперед, ногами к выходу. Что-то здесь было не так. Если бы мертвец вполз внутрь по собственному почину, то были бы какие-то признаки, указывающие на это. Если его втащили, тоже остались бы какие-то следы. Но ничего такого не было, и это отсутствие было только первым из тех тревожных признаков, что не понравились Босху.

Когда он подобрался к телу, то обнаружил, что рубашка мертвого – черная, без пуговиц, с открытым воротом-лодочкой – задрана на голову, как если бы ее начали снимать, и там же, внутри ее, над головой, остались его сплетенные руки. Босх повидал достаточно покойников, чтобы знать: в предсмертный миг нет буквально ничего невозможного. Однажды он расследовал случай самоубийства, где человек, пустивший себе пулю в лоб, после этого, перед тем как умереть, сменил штаны, очевидно не желая, чтобы его тело было найдено плавающим в моче. Но в данном случае положение рубашки и рук лежащего в трубе покойника не понравилось Гарри. Сыщику представлялось, что тот, кто втащил тело в трубу, втаскивал его за шиворот.

Босх не стал трогать тело и снимать с лица рубашку. Он не заметил непосредственных следов повреждений, повлекших смерть. Закончив обследование тела, Босх аккуратно перелез через труп – при этом лицо мертвеца находилось от него на расстоянии полуфута – и продолжил путь по оставшемуся сорокаярдовому отрезку трубы. Он не обнаружил ни следов, ни чего-либо другого, представляющего очевидную ценность. Через двадцать минут, выбравшись на свет божий, он отправил внутрь трубы эксперта-криминалиста, специалиста по обследованию мест преступления Донована, чтобы тот набросал схему расположения мусора и заснял на видео местоположение тела. На лице Донована отразилось удивление, когда он услышал, что ему надо лезть в трубу при расследовании случая, который он уже списал как смерть от передозировки. Очевидно, у него в кармане лежат билеты на «Доджерс», подумал Босх.

Оставив место преступления на попечение Донована, Босх зажег сигарету и подошел к парапету плотины, чтобы взглянуть вниз на загрязненный город и пораскинуть мозгами.

Отсюда ему был слышен доносящийся снизу шум уличного движения с Голливудской автострады. С такого расстояния он казался почти что нежным и ласковым. Как рокот океана в безветренную погоду. Сквозь расщелину каньона внизу виднелись голубые плавательные бассейны и испанские черепичные крыши.

Мимо него по дамбе пробежала женщина в белом топе и зеленых, оттенка лайма, спортивных шортах. Сбоку на поясе у нее висел аудиоплеер, и тонкий желтый провод тянулся к наушникам. Похоже, она пребывала в своем собственном мире и даже не замечала сосредоточения полицейских сил прямо у себя по курсу, пока не достигла желтой ленты, отгораживающей место преступления на дальнем конце плотины. Надпись на ленте призывала ее остановиться. Некоторое время женщина бежала на месте – светлые волосы прилипли к потным плечам, – с любопытством глядя на полицейских, которые тоже наблюдали за ней. Затем развернулась и мимо Босха побежала обратно. Он проводил ее взглядом и заметил, что, пробегая мимо здания насосной, она чуть отклонилась от курса, будто стараясь избежать столкновения с чем-то. Гарри прошел туда и обнаружил на замощенной поверхности стекло. Подняв голову, увидел над дверью насосной разбитую лампочку в патроне. Он мысленно дал себе поручение спросить смотрителя, давно ли заменяли лампочку.

Когда Босх вернулся на прежнее место у перил, его внимание привлекло неясное движение внизу. Приглядевшись, он увидел койота, вынюхивающего что-то среди сосновой хвои и мусора, покрывавших землю под деревьями у дамбы. Животное было маленьким, и его шубка была грязной, местами шерсть полностью вылезла. Лишь совсем небольшое количество этих зверей оставалось сейчас в охраняемых зонах, под защитой города, где они добывали пропитание, копаясь в отбросах, остающихся после таких же промышляющих отбросами людей.

– Его сейчас вытаскивают, – услышал он за спиной.

Босх обернулся и увидел одного из патрульных, высланных на место преступления. Он кивнул и последовал за ним, а затем, поднырнув под желтую ленту, снова приблизился к трубе.

Гулкая какофония из ворчанья, кряхтения и пыхтения доносилась из входного отверстия трубы, изрисованной письменами граффити. Наконец оттуда, пятясь задом, выбрался человек без рубашки, с изрядно перепачканной и исцарапанной спиной, таща за собой толстое черное пластиковое полотнище, на котором лежало тело. Мертвец по-прежнему лежал лицом вверх, и его голова и руки были по-прежнему почти полностью скрыты завернутой наверх черной рубашкой. Босх огляделся в поисках Донована и увидел, что тот укладывает видеокамеру в заднюю часть голубого микроавтобуса с криминалистическим оборудованием. Гарри подошел к нему:

– Знаешь, мне понадобится, чтобы ты еще раз туда слазил. Весь этот тамошний хлам, газеты, жестянки, пакеты... я там заметил несколько шприцев и ватные тампоны. Мне надо, чтобы все это было разложено в пакеты для вещдоков.

– Все сделано, – сказал Донован. Он выдержал краткую паузу и добавил: – Я вовсе не хочу спорить, но, знаешь, Гарри... послушай... ты правда думаешь, что все это имеет смысл? Стоит ли это дело того, чтобы нам ради него сбивать себе коленки?

– Полагаю, мы узнаем это после вскрытия. – Он зашагал было прочь, но потом остановился. – Послушай, Донни, я понимаю: сегодня воскресенье и все такое... Спасибо, что слазил еще раз.

– Нет проблем. Для меня это просто как «Отче наш», это моя работа.

Над телом сидели на корточках человек без рубашки и эксперт из службы коронеров. На обоих были белые резиновые перчатки. Криминалистом был Ларри Сакаи, человек, которого Босх знал в течение долгих лет, но к которому никогда не испытывал симпатии. Рядом с ним

на земле лежала открытая пластиковая сумка с профессиональными принадлежностями. Он вытащил из сумки скальпель и сделал на правом боку трупа надрез длиной в дюйм. Ни капли крови не вытекло из этой части тела. Затем он извлек из сумки термометр и приторочил его к концу искривленного зонда. Ввел зонд в надрез, искусным, но твердым движением поворачивая его и направляя вверх, в печень.

Стоящий рядом человек без рубашки недовольно скривился, и Босх заметил синюю слезу, вытатуированную у него с внешней стороны правого глаза. Каким-то образом это показалось Босху вполне соответствующим ситуации. Это было наибольшее проявление сочувствия, на какое мог здесь рассчитывать покойник.

– С определением времени смерти придется попариться, – сказал Сакаи, не поднимая головы от работы. – Сам понимаешь, эта труба, где происходит неконтролируемый рост температуры, грозит смазать всю температурную динамику в печени. Мой помощник, Осито, проводил замеры: сначала был семьдесят один градус, а уже через восемь минут стало восемьдесят три. И в теле, и в трубе температура постоянно меняется.

– Ну и?. – подтолкнул его Босх.

– Ну и стало быть, здесь, на месте, я тебе ничего не скажу. Мне нужно забрать все это с собой и произвести некоторые вычисления.

– Ты хочешь сказать, что передашь это кому-то другому, кто умеет рассчитывать? – спросил Босх.

– Не волнуйся, дружище, ты получишь результат, когда придешь на вскрытие.

– Кстати, а кто сегодня режет?

Сакаи не ответил. Он был целиком поглощен возней с ногами покойника. Он снял с него туфли и принялся производить какие-то манипуляции с лодыжками. Потом провел руками вдоль ног снизу вверх; затем, подсунув руки под ляжки, приподнял каждую ногу, наблюдая, как она гнется в колене. Затем стал нажимать на живот, как если бы пытался отыскать контрабанду. Наконец очередь дошла до задранной наверх рубашки – он подлез под нее и постарался повернуть голову покойника. Она не поворачивалась. Босх знал, что трупное окоченение начинается с головы и постепенно, двигаясь через все тело, достигает конечностей.

– Шея этого парня уже застыла, но в хорошем состоянии, – сказал Сакаи. – Начинает схватывать живот. Но конечности все еще хорошо двигаются.

Он достал из-за уха карандаш и обратным концом – там, где был ластик, – надавил на кожу на боку трупа. Та половина тела, что прилегала к земле, была лиловой, словно тело было наполовину заполнено красным вином. Это были так называемые трупные пятна. Когда сердце перестает качать кровь, она скапливается в нижней части тела. Когда Сакаи ткнул карандашом в потемневшую кожу, а потом отпустил, то в этой точке не осталось белого пятна – признак того, что кровь полностью свернулась. Человек был мертв уже долгие часы.

– Трупные пятна устойчивы, – сказал Сакаи. – Это, а также степень трупного окоченения вынуждает меня заключить, что этот малый мертв, вероятно, часов шесть – восемь. Так что тебе придется подождать, Босх, пока мы не разберемся с температурой.

Говоря все это, Сакаи так и не поднял голову. Вместе с тем парнем, которого он представил как Осито, они начали выворачивать карманы зеленых солдатских брюк мертвеца. Те оказались пусты, как и большие мешкообразные карманы по бокам брючин. Потом они перевернули тело, чтобы проверить задние карманы. Пока они это делали, Босх наклонился, чтобы поближе рассмотреть открывшуюся взору спину покойника. Кожа была лиловой и грязной. Но он не увидел царапин или отметин, которые позволили бы заключить, что тело тащили.

– В брюках ничего нет, Босх. Никакого удостоверения личности, – сказал Сакаи, все так же не достаивая его взглядом.

Потом они начали осторожно, через голову натягивать черную рубашку обратно на туловище. У мертвеца оказалась всклокоченная шевелюра, в которой было больше седины, чем

природных черных волос. У него была также неухоженная, неряшливая борода, и выглядел он лет на пятьдесят, что позволило Босху заключить, что ему было примерно сорок. В нагрудном кармане рубашки что-то было, и Сакаи, выудив это, изучал несколько мгновений, а затем положил в пластиковый мешок, который напарник держал открытым.

– Готово! – провозгласил Сакаи, протягивая мешок Босху. – Один комплект улики готов. Намного облегчает наши задачи.

Сакаи приоткрыл веки мертвеца. Глаза были голубыми, с молочно-белой оболочкой. Зрачки сужены примерно до размеров карандашного грифеля. Они безжизненно уставились на Босха – каждый зрачок словно крохотная черная пустота.

Сакаи сделал несколько пометок в блокноте. Он уже ранее вынес свое суждение по данному делу. Затем из стоящего рядом ящика с техническими принадлежностями достал штемпельную подушечку и карточку для снятия отпечатков пальцев. Специальной краской намазал пальцы левой руки и начал поочередно прижимать их к карточке. Босх с восхищением смотрел, как быстро и умело он это проделывает. Но вдруг Сакаи остановился:

– Эй! Взгляни-ка...

Он осторожно пошевелил указательный палец трупa. Палец легко двигался во всех направлениях. Сустав был явно сломан, но не было никаких признаков опухоли или кровоизлияния.

– По-моему, это случилось уже после смерти, – сказал Сакаи.

Босх наклонился, чтобы рассмотреть получше. Не надевая перчаток, он взял у Сакаи руку мертвого и пощупал обеими руками. Подозрительно посмотрел на Сакаи, потом на Осито.

– Босх, давай не будем! – огрызнулся Сакаи. – Не смотри на него так. Он отлично знает свое дело. Я сам его натаскивал.

Босх не стал напоминать Сакаи, что это именно он вел микроавтобус службы судмедэксперта, из которого несколько месяцев назад прямо на автостраду Вентура вывалилось примотанное к больничной каталке тело. В самый час пик. Каталка покатила к съезду на бульвар Ланкершим и ударила в заднюю часть машины, стоявшей на автозаправочной станции. Из-за стекловолоконной перегородки в микроавтобусе Сакаи так и не заметил, что потерял покойника, – до тех самых пор, пока не приехали в морг.

Босх отдал руку мертвеца обратно криминалисту. Сакаи повернулся к Осито и что-то спросил по-испански. Маленькое смуглое лицо Осито стало очень серьезным, и он отрицательно покачал головой.

– Говорит, что даже не дотрагивался там в трубе до рук этого парня. Так что дождись вскрытия, прежде чем намекать на то, в чем не уверен.

Сакаи закончил снимать отпечатки и протянул карточку Босху.

– Оберни ему кисти пакетом, – бросил Босх, хотя в этом напоминании не было необходимости. – И ступни.

Он выпрямился и помахал карточкой, чтобы дать краске высохнуть. Другой рукой он держал на отлете только что полученный от Сакаи пластиковый мешок для вещдоков. В нем резинкой были стянуты вместе игла для подкожных инъекций, маленький пузырек, наполовину наполненный чем-то напоминавшим грязную воду, пучок ваты и упаковка спичек. Это была так называемая аптечка наркомана, и выглядела она совершенно новой. Игла была чистой, без признаков коррозии. Вата, как прикинул Босх, использовалась в качестве фильтра только раз или два. В ее волокнах застряли крохотные беловато-коричневые кристаллики. Поворачивая пакет, он разглядел со всех сторон упаковку спичек и увидел, что не хватает всего двух.

В этот момент из трубы выполз Донован. На нем была шахтерская каска с фонариком. В одной руке он держал несколько пластиковых мешков – в каждом была или пожелтевшая газета, или пищевая обертка, или смятая банка из-под пива. В другой руке он нес блокнот, на котором отмечал места обнаружения в трубе каждого предмета. По бокам его каски свисала

паутина. По лицу стекал пот, капая на респиратор вроде малярного, прикрывавший рот и нос. Увидев Босха, держащего в вытянутой руке снаряжение наркомана, наполовину вылезший из трубы Донован остановился.

– Ты нашел там «плитку»? – спросил Босх.

– Черт, так он ширяльщик? – отозвался Донован. – Ну! Я же так и знал. Тогда на кой хрен мы всем этим занимаемся?

Босх не ответил. Он ждал, пока тот полностью выберется.

– Ответ будет «да». Я нашел банку из-под колы, – сказал Донован.

Криминалист посмотрел на пластиковые пакеты в своей руке и протянул один Босху. В нем лежали две половинки жестянки из-под напитка. Довольно новая с виду банка ножом была разрезана пополам. Нижняя половина была перевернута: ее вогнутое днище использовалось как площадка, чтобы готовить вареву из героина с водой. «Плитка»! Большинство ширяльщиков больше не пользовались ложками. Таскать с собой ложку – за это могли и арестовать. Банку же было легко достать, с ней было легко управляться и не жалко выбросить.

– Нам нужно как можно скорее снять отпечатки с «аптечки» и с «плитки», – сказал Босх.

Донован кивнул и понес свой улов в виде пластиковых мешков к полицейскому фургону. Босх снова переключил внимание на экспертов службы патологоанатома.

– Ножа ведь при нем нет? – сказал Босх.

– Нет, – согласился Сакаи. – А что?

– Мне нужен нож. Без ножа картина не полная.

– Ну так что? Парень же наркоман. А наркоманы крадут друг у друга. Наверное, дружки и забрали.

Затянутыми в перчатки руками Сакаи закатал рукава рубашки мертвеца. Взору открылась сеть шрамов на обеих руках. Старые следы от уколов, углубления от нарывов и инфекций. На изгибе левого локтя была свежая отметина от шприца, а под кожей – здоровенный желтовато-лиловый синяк.

– Вот оно! – сказал Сакаи. – Мое мнение таково: этот тип засадил себе хорошую порцию и – привет семье! Как я уже сказал, Босх, мы имеем банальный случай передозировки. Ты сегодня рано встал. Пойди отдохни, посмотри «Доджерс».

Босх снова сложился в три погибели, чтобы рассмотреть находку.

– Я только это сегодня и слышу.

«Вероятно, Сакаи прав», – подумал он. Но ему все-таки не хотелось пока отступить от этого дела. Слишком много тут было всего, что ему не нравилось, что не укладывалось в схему. Отсутствие следов в трубе. Рубашка, натянутая на голову. Сломанный палец. Опять же отсутствие ножа.

– Почему все следы от уколов старые, кроме одного? – спросил он скорее самого себя, чем Сакаи.

– Кто знает? – ответил тот. – Может, он какое-то время был в завязке, а потом решил вернуться. Наркоман есть наркоман. Какие тут могут быть разумные причины?

Разглядывая отметины на руках покойника, Босх заметил на коже что-то похожее на синие чернила. Оно выглядывало из-под рукава, складками собранного на левом бицепсе. Взору открывалось недостаточно, чтобы разобрать, что это такое.

– Закатай повыше, – указал он на рукав.

Сакаи подтянул рукав к самому плечу, обнажая татуировку, выполненную в синем и красном цвете. То было шаржированное изображение стоящей на задних лапах крысы, которая грубо и зловеще скалилась. В одной лапе крыса держала пистолет, в другой – бутылку виски, на которой было написано: «XXX». Синяя надпись выше и ниже картинки размазалась от времени и растяжения кожи. Сакаи постарался ее прочесть.

– Написано «Порт...», нет, «Первый». «Первый пехотный». Этот парень из армейских. Нижняя часть неразборчива... На другом языке... «Рог... гратум... анум... ро...» Ничего не разберу.

– Родентум, – сказал Босх.

Сакаи удивленно посмотрел на него.

– Вульгарная латынь, – пояснил Босх. – «Крысиного хвоста не стоит». Он был «туннельной крысой». Вьетнам.

– Да хоть кем, – отозвался Сакаи. Он оценивающе посмотрел на тело, потом на трубу. – Как бы то ни было, он и закончил свои дни в норе, верно? В каком-то смысле.

Рукой без перчатки Босх дотронулся до лица трупа и откинул со лба и с безучастных глаз спутанные черно-седые волосы. Тот факт, что он проделал это, не надев перчаток, заставило остальных оторваться от своих занятий и наблюдать за этим необычным, если не антисанитарным действием. Босх не обратил на них внимания. Он долго всматривался в мертвое лицо, ничего не говоря, не слыша ничьих слов. В тот момент, когда он понял, что ему знакомы эти черты, так же как знакома и татуировка, перед его мысленным взором словно вспыхнуло другое лицо – лицо молодого человека. Тощего и загорелого, коротко, почти наголо, подстриженного. Живого, а не мертвого. Он выпрямился и поспешно отвернулся от трупа.

Производя это резкое движение, он воткнулся в прибывшего наконец Джерри Эдгара, который, приблизившись, тоже склонился над трупом. От неожиданности оба отпрянули. Босх схватился за лоб. Эдгар, который был много выше, – за подбородок.

– Черт, Гарри! – вырвалось у Эдгара. – Ты жив?

– Угу. А ты?

Эдгар посмотрел руку, проверяя, нет ли крови.

– Ага. Извини, что так получилось. Ты что так подскакиваешь?

– Не знаю.

Поверх плеча Босха Эдгар взглянул на мертвое тело и затем последовал за своим напарником в сторону от сгрудившейся группы людей.

– Извини, Гарри, – произнес Эдгар. – Я час просидел там, ожидая, пока кто-нибудь появится, чтобы прикрыть меня на посту. Так расскажи, что у нас там.

Произнося все это, Эдгар все еще потирал челюсть.

– Пока точно не знаю, – ответил Босх. – Я хочу, чтобы ты залез в одну из этих патрульных машин, где есть мобильный терминал. Такой, что работает. Посмотри, не сможешь ли ты раздобыть данные по уголовной биографии на Медоуза Билли... мм... пусть будет Уильям. Дата рождения – примерно тысяча девятьсот пятидесятый. И еще в Управлении автотранспорта надо получить его адрес.

– Это тот жмурик?

Босх кивнул.

– А что, в удостоверении личности нет адреса?

– При нем нет никакого удостоверения. Я проверил. Так что посмотри в базе данных. Должно быть какое-то упоминание за последние несколько лет. Хотя бы из полицейского отделения в Ван-Найсе, по поводу наркотиков.

Эдгар медленно двинулся прочь, в сторону припаркованных полицейских машин, чтобы найти такую, где был бы мобильный компьютерный терминал, встроенный в приборную панель. Так как он был крупным мужчиной, его походка казалась медленной, но Босх по опыту знал, что за его напарником было трудно угнаться. На Эдгаре был безупречно сшитый коричневый костюм в тонкую белую полоску. Волосы коротко подстрижены, а кожа – темная и глянцева, как у баклажана. Босх смотрел ему вслед и невольно задавался вопросом: не специально ли тот подгадал чуть-чуть опоздать, избегнув тем самым необходимости надевать комбинезон, лезть в трубу и мять свой элегантный прикид?

Босх подошел к багажнику своей машины и вытащил «поляроид». Потом вернулся к трупу и, расставив ноги по обеим сторонам от него, начал фотографировать лицо. Трех штук должно хватить, решил он, поочередно выкладывая выплюнутые камерой снимки на крышу трубы для проявки. Он не мог заставить себя перестать всматриваться в это лицо, изменившееся со временем. Он думал об этом лице и о некогда игравшей на нем пьяной ухмылке – это было в ту ночь, когда все «крысы» Первого пехотного высыпали из тату-салона в Сайгоне. Процедура заняла у изнуренных алкоголем и наркотиками американцев четыре часа, но теперь все они сделались кровными братьями – благодаря тому, что выжгли у себя на теле одно и то же клеймо. Босху вспомнились шальная веселость Медоуза в этом братстве и тот страх, который все они делили между собой.

Гарри отошел от тела, а тем временем Сакаи и Осито стали разворачивать черный мешок из толстого пластика с молнией, доходящей до середины. Как только мешок для упаковки трупа был развернут и раскрыт, сотрудники службы коронеров подняли тело Медоуза и поместили его внутрь.

– Вылитый чертов Рип ван Винкль⁴, – заметил подошедший Эдгар.

Сакаи закрыл молнию, и Босх заметил, что несколько курчавых седых волос Медоуза застряли в ее зубьях. Но Медоуз не станет возражать, ему теперь все равно. Как-то раз он сказал Босху, что ему суждено закончить жизнь в мешке для трупов. А потом добавил, что это и всем суждено.

Эдгар держал в одной руке маленький блокнот, в другой – золотую ручку «Кросс».

– Уильям Джозеф Медоуз, родился двадцать первого июля пятидесятого года. Звучит похоже, Гарри?

– Да, это он.

– Что ж, ты был прав, на него у нас много чего есть. Но в основном не по части дури. Есть ограбление, попытка ограбления, хранение героина. Примерно год назад его загребли здесь же, на плотине, за подозрительное бродяжничество. И верно, была пара обвинений в употреблении наркотиков. Тот арест в Ван-Найсе, о котором ты говорил. А почему он тебя так интересует? Твой агент?

– Нет. Достал адрес?

– Проживает в Долине⁵. В Сепульведе, рядом с пивоваренным заводом. Район, в котором трудно продать недвижимость. Так если он не был информатором, почему у тебя контакты с этим типом?

– Никаких контактов... во всяком случае, в последнее время. Я знал его в другой жизни.

– Что это значит? Когда ты знал этого парня?

– Последний раз я видел Билли Медоуза лет двадцать назад. Или около того. Он был... Это было в Сайгоне.

– Да, тогда действительно выходит двадцать лет. – Эдгар прошел к поляроидным снимкам и взгляделся в три сделанных Босхом портрета. – Ты его хорошо знал?

– Не особенно. Ровно настолько, насколько вообще кто-либо там мог знать кого-либо. Ты привыкаешь доверять людям свою жизнь, а затем, когда она на исходе, вдруг понимаешь, что даже толком не знал большинства из них. Я никогда не встречался с ним по возвращении. Один раз, в прошлом году, говорил с ним по телефону – вот и все.

– Как ты его узнал?

– Я и не узнал сначала. Потом увидел татуировку на руке. Тогда и лицо всплыло в памяти. Наверное, такие парни, вроде него, не забываются. Со мной, по крайней мере, так.

– Наверное...

⁴ *Рип ван Винкль* – герой одноименной новеллы В. Ирвинга, проспавший двадцать лет.

⁵ Имеется в виду долина Сан-Фернандо.

На некоторое время в разговоре образовалась пауза. Босх пытался решить, что делать дальше, но мог только вновь и вновь дивиться подобному совпадению: его вызвали на место преступления для того, чтобы он обнаружил там мертвого Билли Медоуза. Эдгар нарушил его мечтательность:

– Так ты не хочешь рассказать, что тебе кажется здесь подозрительным? А то Донован там сейчас от злости в штаны наложит оттого, что ты заставил его все это проделать.

Босх рассказал Эдгару о замеченных им странностях, об отсутствии четких следов в трубе, о рубашке мертвеца, наполовину стянутой через голову, о сломанном пальце и том, что не найден нож.

– Какой нож? – переспросил напарник.

– Должен же он был чем-то распилить банку, чтобы сделать из нее «плитку»... если только это его «плитка».

– Он мог принести ее с собой. Могло также случиться, что кто-то забрался внутрь и унес нож уже после его смерти. Если, конечно, был нож.

– Да, все могло быть. Но нет никаких следов, чтобы определить это.

– Ну, мы же знаем из его списка судимостей, что он был закоренелый наркоман. Он был таким и в прежние времена, когда ты его знал?

– В определенной степени. Сам употреблял и приторговывал.

– Ну вот и ответ: наркоман с многолетним стажем. Невозможно предугадать, что они выкинут, когда душа горит забалдеть или когда уже балдеют. Они конченные люди, Гарри.

– Хотя, вообще-то, он завязал... по крайней мере, я так думал. И на руке у него свежий след только от одного укола.

– Гарри, ты сам сказал, что не видел парня со времен Сайгона. Как ты можешь знать, завязал он или нет?

– Я его не видел, но я говорил с ним. Как-то раз он позвонил мне, где-то с год назад. В июле или августе, кажется. У него был арест в Ван-Найсе. Его забрали как наркомана, основываясь на следах от иглы. Каким-то образом, из газет или еще как, он узнал, что я коп, – это было примерно в то время, когда проходило дело Кукольника. Тогда я еще работал в городской полиции Лос-Анджелеса. Он позвонил мне туда, в отдел убийств и ограблений, из тюрьмы Ван-Найса. Спросил, не могу ли я его выручить. Он провел в окружной тюрьме только дней тридцать, но сказал, что находится на пределе. И... да, он еще сказал, что просто не сможет на этот раз отмотать весь срок, не сможет вот так, в одиночку, завязать...

Босх умолк, не договорив. После долгой паузы Эдгар подстегнул его:

– И что же? Продолжай, Гарри, что ты сделал?

– И я ему поверил. Я поговорил с тамошним копом. Помню, что его звали Наклз. Я тогда еще подумал: хорошее имя для уличного полицейского. Я позвонил в Министерство по делам ветеранов в Сепульведе и добился, чтобы его включили в программу. Наклз тоже в этом участвовал. Он сам тоже ветеран. Он добился, чтобы прокурор города попросил судью о снисхождении. Ну и клиника Министерства по делам ветеранов приняла Медоуза на амбулаторное лечение. Через шесть недель я справился, как там у него дела, и мне сказали, что он прошел курс, завязал и у него все в порядке. То есть мне так сказали. Говорили, что он находится на втором уровне программы поддержки. Говорили о психотерапии, о занятиях в группе... Сам я после того звонка больше не общался с Медоузом. Он мне больше не звонил, а я тоже не пытался его разыскивать.

Эдгар с умным видом сверился со своим блокнотом. Босх увидел, что страница, на которую тот якобы смотрит, пуста.

– Послушай, Гарри, – сказал Эдгар, – все равно это было почти год назад. Немалое время для наркомана, верно? Кто знает? Он мог с тех пор трижды сорваться и снова завязать. Это уже

не наша забота. Вопрос в том, что ты думаешь делать с нынешним подарком. Как собираешься поступить с этим делом?

– Ты веришь в совпадения? – спросил Босх.

– Ну, не знаю, я...

– Совпадений не бывает.

– Гарри, я не понимаю, о чем ты толкуешь. Но знаешь, что я думаю? Я не вижу здесь ничего вопиющего. Мужик забирается в трубу, – может, в темноте он плохо видит, что делает, вкатывает себе слишком большую дозу и отдает концы. Вот и все. Может, с ним был кто-то еще, и, уходя, тот человек уничтожил следы. И нож забрал. Могла быть сотня...

– Иногда и нет вопиющих улик, Джерри. Вот в чем проблема. Сегодня воскресенье. Всем хочется поскорее пойти домой. Играть в гольф. Продавать дома. Смотреть бейсбол. По разным причинам, но всем наплевать. Все делается спустя рукава, только для проформы. Разве ты не видишь, что именно на это они и рассчитывали?

– Кто «они», Гарри?

– Те, кто это сделал.

Он умолк. Никого эти доводы не убеждали – даже он сам был в сомнении. Было неправильно играть на чувстве лояльности Эдгара. Он уйдет с этой работы, как только отработает свои двадцать лет. Тогда он поместит в профсоюзном бюллетене рекламное объявление размером с визитную карточку: «Отставной офицер полиции Лос-Анджелеса срежет комиссионные для своих собратьев-полицейских» – и будет зарабатывать по четверти миллиона в год, продавая дома копам или для копов в долине Сан-Фернандо, или в долине Санта-Кларита, или в долине Антилопа, или еще в какой-нибудь долине, куда в следующий раз нацелится бульдозер.

– Зачем ему было лезть в трубу? – наконец проговорил Босх. – Ты сказал, он жил в Долине. В Сепульведе. Зачем было тащиться сюда?

– Ну кто его знает, Гарри?.. Парень ширялся. Может, его жена выгнала. Может, он отбросил коньки где-нибудь поблизости, а дружки оттащили его мертвую задницу сюда, потому что не хотели объясняться с полицией?

– Все равно это преступление.

– Да, это преступление, но ты мне свистни, когда найдешь такого окружного прокурора, который специально для тебя возбудит по нему уголовное дело.

– Его «аптечка» выглядит чистой. Практически новой. Все следы от уколов на руках, кроме одного, старые. Я не думаю, что он опять стал колотиться. Что-то здесь не так.

– Ну, я не знаю... Наверное, сейчас, когда кругом СПИД и все такое, им приходится думать о чистоте «аптечки».

Босх смотрел на своего напарника так, будто не узнавал.

– Гарри, послушай, что я хочу сказать. Он вполне мог быть твоим окопным товарищем двадцать лет назад, но сейчас, в этой жизни, он был наркоманом. И ты никогда не сможешь логически объяснить каждый его шаг. Я не знаю насчет «аптечки» или следов от уколов, но я знаю: этот случай не из тех, когда нужно горбатиться. Это обычная рутина, «от» и «до», с выходными и праздниками.

Босх сдался – на данный момент, по крайней мере.

– Я отправляюсь в Сепульведу, – сказал он. – Ты со мной или возвращаешься к своему дню открытых дверей?

– Я закончу свою работу, Гарри, – мягко ответил Эдгар. – Если мы с тобой в чем-то не сошлись, это вовсе не означает, что я не собираюсь делать то, за что мне платят. Такого никогда не было и никогда не будет. Но если тебе не нравится, как я делаю свое дело, завтра утром мы пойдем к «шеф-повару» и поговорим насчет смены напарников.

Босх тотчас пожалел о своем дешевом выпаде, но не стал извиняться. Вместо этого он сказал:

– Ладно. Ты поезжай туда, посмотри, есть ли кто-нибудь в квартире. А я подъеду после того, как закруглюсь здесь.

Не ответив, Эдгар пошел к трубе и взял один из поляроидных портретов Медоуза. Сунул его в карман пиджака, а затем зашагал по подъездной дороге к своей машине, так и не сказав Босху ни слова.

После того как Босх снял комбинезон и, сложив, убрал в багажник, он посмотрел, как Сакаи и Осито грубо шмякнули тело на носилки и задвинули в заднюю часть синего фургона. Потом направился к ним, размышляя, как лучше добиться, чтобы вскрытие произвели в приоритетном порядке – хотя бы завтра, а не через четыре-пять дней. Он поравнялся с сотрудником службы коронеров, когда тот открывал дверь своего минивэна, собираясь садиться.

– Мы здесь все закончили, Босх.

Босх положил руку на дверцу, не давая Сакаи открыть ее до конца, чтобы сесть в машину.

– Кто сегодня будет производить вскрытие?

– Вот этого? Никто.

– Эй, послушай, Сакаи. Кто сегодня дежурит?

– Салли. Но он к нему и близко не подойдет, Босх.

– Слушай, я только что имел этот разговор с моим напарником. Не начинай все сначала, хорошо?

– Босх, ты взгляни. Ты вникни. Я дежурю с шести вечера, и это уже седьмое место преступления с тех пор, как я заступил на вахту. У нас были ДТП, утопленники, преступление на сексуальной почве. Люди специально умирают, чтобы встретиться с нами, Босх. Нам воздуха нет, а это значит, что нет времени на этот, по твоему мнению, криминальный случай. Хоть раз в жизни послушай своего напарника. Это дело пойдет в рутинном режиме. Это значит, что мы займемся им не раньше среды, может, вторника. В крайнем случае к пятнице – обещаю железно. А результаты токсикологического анализа все равно придется ждать, по крайней мере дней десять. Ты это прекрасно знаешь. Так что к чему твоя проклятая спешка?

– Не «результаты», а «результатов». Результатов анализа придется ждать дней десять.

– Пошел ты!

– Просто передай Салли: мне нужно, чтобы предварительное исследование было проведено сегодня. Я зайду попозже.

– Господи, Босх, уясни, что тебе говорят. У нас в предбаннике штабелями сложены тела, о которых мы уже знаем, что они проходят по разряду «убийства» и действительно нуждаются во вскрытии. У Салазара не будет времени на какой-то паршивый случай, который любой, кроме тебя, назовет смертью от передозировки. В самом натуральном виде! Что мне прикажешь ему сказать, чтобы он побежал делать вскрытие сегодня?

– Покажи ему сломанный палец. Скажи, что в трубе нет следов. Придумай что-нибудь. Скажи, что покойник слишком хорошо разбирался в дозах, чтобы умереть от передозировки.

Сакаи прислонился головой к боковой стенке фургона и громко расхохотался. Потом покачал головой, как делают люди, слыша какой-нибудь детский лепет:

– И знаешь, что он мне ответит? Он скажет, что не имеет значения, сколько времени он колосся. Все они рано или поздно плохо кончают. Босх, много ты видишь вокруг шестидесятипятилетних наркоманов? Никто из них не проходит эту дистанцию. Если уж сел на иглу, то тебе крышка. Как и этому парню в трубе.

Босх повернулся и огляделся, чтобы удостовериться, что никто из патрульных полицейских не смотрит и не слушает. Потом опять обернулся к Сакаи.

– Просто скажи ему, что я подойду попозже, – негромко сказал он. – Если он не найдет ничего на предварительном вскрытии, тогда ладно, можешь заткнуть труп в самый низ штабеля

в предбаннике или даже выбросить его на автозаправке на бульваре Ланкершим. Я не буду возражать, Ларри. Но только сначала скажи ему все это. Пусть это будет его решение, а не твое.

Босх убрал руку с дверцы и сделал шаг назад. Сакаи забрался в фургон и захлопнул дверцу. Он завел мотор и в течение долгой минуты смотрел на Босха. Потом опустил стекло:

– Босх, ты настоящая заноза в заднице. До завтра. Это самое большое, что я могу обещать. Сегодня никак.

– Первым номером?

– Да, только сегодня оставь нас в покое, ага?

– Первым номером?

– Да, да. Первым.

– Конечно же, я отстану. Так увидимся завтра?

– Только не со мной. Я буду дрыхнуть.

Сакаи закрыл окно, и фургон тронулся. Босх отступил в сторону, давая ему проехать, и, когда он скрылся из виду, остался стоять, уставившись на трубу. Только сейчас он впервые обратил внимание на граффити. Не то чтобы он раньше не замечал, что внешняя поверхность трубы буквально испещрена письменами. Однако сейчас он стал вглядываться в отдельные каракули. Тут были старые, потускневшие, давно забытые либо все еще сохраняющие актуальность – целая живописная картина из букв, складывающихся в угрожающие заклинания. Тут были лозунги, призывающие бросить Лос-Анджелес. Тут были имена: Озон, Бомбометатель, Косяк, множество других. Внимание Гарри привлек один из последних довесков. Он состоял всего из трех букв, написанных на расстоянии примерно двенадцати футов от края трубы: «Sha» – «Ша». Эти три буквы были написаны одним свободным, плавным движением. Верхушка «S» была зазубрена и затем обведена по контуру так, что создавалось впечатление рта. Распахнутой, зияющей пасти. Зубов не было, но Босх их угадывал. Создавалось впечатление, что работа не завершена. Тем не менее это была хорошая работа, аккуратная и самобытная. Он навел на нее «поляроид» и сфотографировал.

Опустив снимок в карман, Босх прошел к полицейскому фургону. Донован рассовывал инструментарий по полкам, а пакеты с уликами – по деревянным ящичкам.

– Тебе не попадались там какие-нибудь обгорелые спички?

– Да, одна, причем свежая, – ответил Донован. – Обгорела до самого конца. Она лежала футов на десять в глубине. Я нанес ее местоположение на план.

Босх взял в руки планшет, к которому был прикреплен клочок бумаги с нанесенным планом внутреннего пространства трубы. На плане было отмечено местоположение тела и места, где были найдены вещественные доказательства – весь извлеченный из трубы хлам. Босх заметил, что спичка была обнаружена футах в пятнадцати от тела. Затем Донован, ткнув в свой пластиковый пакет с уликами, показал ему спичку.

– Я дам тебе знать, если спичка соответствует упаковке в «аптечке» умершего, – сказал он. – Если тебя именно это волнует.

– А как насчет патрульных? – сказал Босх. – Что они обнаружили?

– Все здесь, – сказал Донован, показывая на деревянный короб, в котором находилось еще много прозрачных пластиковых мешков с уликами.

В этих пакетах содержался мусор, собранный полицейскими, которые обшарили территорию в радиусе пятидесяти ярдов вокруг трубы. Каждый мешок содержал указание на место обнаружения данного предмета. Босх стал вытаскивать пакеты и изучать их содержимое. По большей части то были всяческая рухлядь и отбросы, не имеющие никакого отношения к обнаруженному в трубе труп. Тут были газеты, тряпье, одна туфля на шпильке, белый носок, в котором засохла синяя краска. Снаряжение «нюхача».

Еще Босх заметил пакет, в котором лежал колпачок от жестяного аэрозольного краскораспылителя. В следующем мешке находился сам баллончик. На ярлыке значилось: «цвет

морской волны». Босх приподнял пакет, прикидывая вес, и решил, что в баллончике осталось еще немало. Взяв пакет, он подошел к трубе, открыл его и, нажав на сопло карандашом, струей краски провел синюю линию рядом с буквами «Sha». Пожалуй, он перестарался. Краска потекла по выгнутой поверхности и закапала на гравий. Но главное, Босх сумел определить, что цвет тот же самый.

Некоторое время он размышлял над этим. Для чего было автору граффити выбрасывать наполовину полный баллончик? Босх прочел надпись на пакете для вещдоков. Данная улика была найдена у края резервуара. Кто-то пытался забросить жестянку в водоем, но не добросил. И снова Босх подумал: «Зачем?» Он опустился на корточки рядом с трубой и с близкого расстояния внимательно оглядел буквы. Он решил, что надпись – будь то послание или имя – не была закончена. Произошло нечто, заставившее рисовальщика прекратить свое занятие и выбросить через забор баллончик, крышку от него, а также носок с краской. Не полиция ли его вспугнула? Босх вытащил блокнот и написал себе памятку позвонить после полуночи Краули, чтобы узнать, не совершал ли кто из его людей обход в окрестностях резервуара во время своего ночного дежурства.

А что, если это не копы побудили рисовальщика выбросить краску за ограду? Что, если он стал свидетелем того, как кто-то прячет в трубу мертвое тело? Босху припомнились слова Краули об анонимном звонке, в котором звонивший сообщал о трупе. «...Просто звонил какой-то мальчишка, только и всего». Не был ли этот звонивший тем самым рисовальщиком? Босх отнес баллончик обратно к фургону криминалистической лаборатории и отдал Donovanу.

– После «аптечки» и «плитки» сними отпечатки и с этого, – попросил он. – Я думаю, он может принадлежать свидетелю.

– Сделаю, – сказал Donovan.

Босх спустился с холмов и по съезду с бульвара Барэм выехал на Голливудскую автостраду, держа путь к северу. Проехав по перевалу Кауэнга-Пэсс, он затем по автострате Вентура проехал к западу, а затем снова свернул на север, на магистраль Сан-Диего. Чтобы проехать эти десять миль, ему потребовалось около двадцати минут. В воскресенье движение было слабым. Он съехал с шоссе на Роскоу и проехал пару кварталов к востоку, углубляясь по Лэндон-авеню в тот жилой район, где обретался Медоуз.

Сепульведа, как и большинство пригородов Лос-Анджелеса, имела в своем составе и хорошие, и плохие жилые районы. Босх не рассчитывал увидеть на улице, где жил Медоуз, подстриженные лужайки или тротуары, уставленные «вольво». И он не обманулся в своих ожиданиях. Прошло не менее десятка лет с тех пор, как здешние апартаменты утратили свою привлекательность. Окна нижних этажей были забраны решетками, а двери гаражей – исписаны граффити. Отчетливый запах пивзавода на Роскоу проникал и в жилой массив. Здесь пахло точь-в-точь как в баре в четыре часа утра.

Медоуз жил в U-образном многоквартирном доме, построенном в 1950-х годах, когда в воздухе еще не стоял пивной запах, на каждом углу не тусовалась банда хулиганов, а в жителях округи не умерла надежда на лучшее будущее. Во внутреннем двореке дома имелся бассейн, но он уже давно был наполнен только песком и грязью. Сейчас внутренний дворик представлял собой овальной формы клочок бурой травы, окруженный полоской грязного цемента. Медоуз обретался в угловой квартире на верхнем этаже. Пока Босх поднимался по лестнице, а потом шагал по коридору мимо квартир, до него доносился неумолчный гул автострады. Дверь в квартиру 7В была не заперта, и за ней открывалась небольшая комната – гостиная, столовая и кухня в одном лице. Здесь, привалившись к кухонной стойке, стоял Эдгар и что-то писал в записной книжке.

– Приятное местечко, верно? – бросил он.

– Угу, – отозвался Босх и огляделся. – Дома никого?

– Нет. Я справился у соседки, и она сказала, что никого не видела с позавчерашнего дня. Говорит, что человек, который здесь проживал, назвался не Медоузом, а Филдзом⁶. Остроумно, да? Говорит, что он жил совсем один. Провел здесь примерно с год, вел в основном одинокий образ жизни. Это все, что ей известно.

– Ты показал ей фотографию?

– Да, она его опознала. Хотя ей было неприятно смотреть на фото покойника.

Босх шагнул в коротенький коридорчик, ведущий в ванную и спальню.

– Это ты взломал дверь? – спросил он.

– Нет, она была не заперта. Серьезно: я стукнул пару раз и только было собрался к своей машине за инструментами, чтобы аккуратно вскрыть замок, как тут вдруг случайно, без всякой причины толкаю дверь...

– И она открывается.

– И она открывается.

– Ты говорил с управляющим?

– Управляющей на месте не оказалось. Теоретически она где-то здесь, но, видно, вышла перекусить или перехватить героинчику. У меня впечатление, что все, кого я здесь видел, ширяются.

Босх вернулся в гостиную и огляделся. Увидел он тут не слишком много. Возле одной стены располагалась кушетка, обтянутая зеленым винилом, к противоположной был приткнут стул с мягкой обивкой, а рядом с ним на ковре стоял маленький цветной телевизор. В столовом отсеке находился стол со столешницей из огнеупорного пластика в окружении трех стульев. Четвертый стул стоял отдельно, у стены. Босх посмотрел на кофейный столик перед кушеткой, весь в подпалинах от сигарет. На нем стояла гигантских размеров пепельница и валялась книжка с кроссвордами. Здесь же был разложен незаконченный пасьянс, лежал журнал с программой телевидения. Босх понятия не имел, курил ли Медоуз, но он знал, что при нем не было найдено никаких сигарет. Он взял себе на заметку выяснить это позднее.

– Гарри, квартира была обыскана, – сказал Эдгар. – Дело не только в том, что дверь была отперта и все такое. Я имею в виду и разные другие вещи. Все это жилище было обшарено. Работа проведена в целом чисто, но все равно можно догадаться. Она была проведена в спешке. Пойди взгляни на кровать и платяной шкаф – и поймешь, что я имею в виду. А я хочу еще раз попытать счастья у управляющей.

Эдгар вышел, и Босх снова прошел из жилой комнаты в спальню. По дороге он отметил присутствие запаха мочи. В спальне стояла широкая кровать без спинки, просто придвинутая к стене изголовьем. На белой стене, вероятно на том уровне, где Медоуз, сидя в кровати, прислонялся головой, темнело жирное пятно. Напротив кровати, у другой стены, располагался комод с шестью ящиками. Рядом с кроватью стоял дешевый ночной столик из ротанга, а на нем – лампа. Больше в комнате не было ничего, даже зеркала.

Босх сначала обследовал кровать. Она была не заправлена, подушки и простыни сбиты в кучу посередине. Босх заметил, что угол одной из простыней зажат с левой стороны между матрасом и пружинной сеткой. Совершенно очевидно, что кровать не была изначально застелена вот таким образом. Босх выдернул угол простыни из-под матраса, тот остался свободно свисать сбоку. Приподнял матрас, как если бы искал под ним что-то, потом опустил на место. Угол простыни опять оказался зажат между матрасом и пружинами. Эдгар был прав.

Затем он выдвинул все шесть ящиков комода. Вещи, лежавшие там, – белье, белые и темные носки, а также несколько футболок – были аккуратно сложены и казались совершенно непо потревоженными. Когда он открыл левый нижний ящик, то заметил, что он движется неровно и задвигается не до конца. Босх вытащил его совсем. Потом так же вынул еще один

⁶ Meadow – луг, field – поле (англ.).

ящик. Затем – все остальные. Когда все они оказались снаружи, Босх проверил нижнюю часть каждого, чтобы выяснить, не крепится ли что-нибудь к днищу. Потом вернул ящики обратно, но несколько раз менял их местами, пока каждый не стал задвигаться легко и до конца. Когда закончил, ящики оказались поставлены совершенно в другом порядке. В правильном порядке. Босх был удовлетворен тем, что установил: кто-то выдвигал ящики, искал что-то под ними и за ними, а затем ставил их назад как попало.

Босх подошел к стенному платяному шкафу. Он обнаружил, что лишь четверть имеющегося там пространства использована. На дне шкафа стояли две пары туфель, пара черных кроссовок «Рибок», перепачканных песком и серой пылью, и пара рабочих ботинок на шнурках, выглядевших так, словно их только что почистили и смазали. На ковре тоже была серая пыль от кроссовок. Гарри сел на корточки и подцепил щепотку. Пыль была похожа на цементную. Он вытащил из кармана маленький пакетик для улик и опустил в него несколько крупинок. Потом спрятал пакет и выпрямился. В шкафу было пять рубашек на плечиках; из них одна-единственная белая, на пуговицах, а остальные четыре – черные, надевающиеся через голову, с длинным рукавом, вроде той, в которой нашли Медоуза. Рядом с рубашками висели две пары выцветших джинсов и две пары штанов – то ли пижамных, то ли для карате. Карманы всех четырех пар были вывернуты. В стоявшей на полу пластиковой корзине для грязного белья находились грязные черные плавки, майки, носки и пара широких трусов наподобие шорт.

Босх закрыл стенной шкаф и вышел из спальни. Он задержался в ванной, открыл дверцу аптечного шкафчика. Здесь были наполовину опустошенный тюбик зубной пасты, пузырек аспирина и пустая коробка из-под инсулиновых шприцев. Закрыв шкафчик, Гарри посмотрел на себя в зеркало и заметил в глазах усталость. Пригладил волосы.

Вернувшись в жилую комнату, он уселся на кушетку, перед незаконченным пасьянсом. В квартиру вошел Эдгар.

– Медоуз снял эту квартиру первого июля, – объявил он. – Вообще-то, арендная плата должна была вноситься ежемесячно, но он заплатил вперед, за одиннадцать месяцев. Это почти пять кусков наличными, которые он выложил. Управляющая вернулась. Она сказала, что не спрашивала у него рекомендаций. Просто взяла деньги. Он жил...

– Она сказала, что он заплатил за одиннадцать месяцев? – перебил Босх. – Это входило в условия сделки – заплатить за одиннадцать месяцев, чтобы двенадцатый шел бесплатно?

– Нет, я тоже спросил ее об этом, и она сказала: нет, он сделал это по собственному почину. Просто выразил желание заплатить именно так. Говорит, что он должен был съехать первого июня этого года. Это будет... постой-ка... через десять дней. Она говорит, якобы он приехал сюда на работу, вроде бы из Феникса. Сказала, что он работал как будто начальником смены на прокладке метро. У нее сложилось впечатление, что одиннадцать месяцев – это был тот срок, на который он подрядился, а потом он должен был вернуться обратно в Феникс. – Эдгар смотрел в записную книжку, восстанавливая в памяти содержание своего разговора с хозяйкой. – Вот и все насчет квартиры. Больше хозяйка мне ничего существенного не сказала. Она тоже опознала его на снимке. И ей он тоже представился как Филдз – Билл Филдз. Сказала, что он работал в необычное время, ходил в ночную смену или что-то в этом роде. Сказала, что видела, как однажды, на прошлой неделе, когда он вернулся домой, то высаживался из бежевого или светло-коричневого джипа. Номера машины она не знает, потому что не смотрела. Но сказала, что жилец был весь покрыт грязью, почему она и поняла, что он вернулся с работы.

Несколько секунд оба молчали, погруженные в раздумья.

Наконец Босх сказал:

– Эдгар, я хочу заключить с тобой сделку.

– Ты – со мной? Ладно, выкладывай.

– Поезжай сейчас домой или обратно к своим клиентам. Дальше дело поведу я. Схожу на коммутатор, послушаю пленку, потом вернусь в офис, займусь бумажками. Проверю, произвел

ли Сакаи уведомление ближайших родственников. Мне кажется – если я ничего не путаю, – Медоуз был из Луизианы. Так или иначе, я на завтра договорился о вскрытии, на восемь часов. Прослежу одновременно и за этим. А твоя задача – довести до ума вчерашний инцидент на телевидении и передать его окружному прокурору. Не надо там оставлять никаких хвостов.

– То есть ты берешь на себя всю грязную работу и позволяешь мне легко отделаться. Дело, где один трансвестит замочил другого, банальное как дважды два. Никаких заморочек там не предвидится.

– Да, кстати... Мне бы хотелось получить от тебя еще одну вещь. Завтра, когда будешь возвращаться из Долины, заскочи по пути в Министерство по делам ветеранов в Сепульведе и посмотри, нельзя ли уговорить их показать тебе досье Медоуза. Там может оказаться несколько полезных имен. Как я уже сказал, он предположительно консультировался у психотерапевта в амбулатории и посещал групповой тренинг. Может, кто-то из тех парней колосся с ним вместе и знает, что здесь вчера произошло. Да, я понимаю, это притянута за уши, всего лишь предположение. Если они начнут тебя мытарить, позвони мне, и я постараюсь добыть судебное предписание.

– Действительно, похоже на сделку. Но я переживаю о тебе, Гарри. Я хочу сказать, мы с тобой не слишком долго были партнерами, и, может, ты хочешь пробиться обратно, в свой отдел убийств. Но лично я не вижу смысла в том, чтобы надрываться на этом деле. Да, квартира была обыскана. Но ведь главное не в этом. Главное – зачем. И по первому впечатлению ничего меня здесь по-настоящему не всколыхнуло. На мой взгляд, кто-то притащил Медоуза к водохранилищу после того, как тот гикнулся, а перед тем он обшарил его хату, чтобы забрать наркотик. Если он у него был.

– Наверное, все так и есть, – сказал Босх, помолчав несколько секунд. – Но пара-тройка вещей все равно не дает мне покоя. Хочу поковыряться в этом деле еще немножко, пока не удостоверюсь.

– Что ж, я уже сказал, у меня нет возражений. Мне только лучше. Ты отводишь мне легкую роль.

– Пожалуй, я здесь осмотрюсь еще немного. Ты поезжай, увидимся завтра, когда я вернусь из морга.

– Ладно, партнер.

– И еще, Джек...

– Да?

– Это не имеет никакого отношения к моему стремлению вернуться в отдел.

Босх сидел один, размышляя и обводя взглядом комнату в поисках ключа к разгадке. Наконец его взор упал на карты, разложенные перед ним на кофейном столике. Пасьянс... Он заметил, что все четыре туза лежат лицевой стороной. Он взял со стола колоду оставшихся карт и пролистал, снимая по три карты зараз. В ходе этого занятия он наткнулся на двойку и тройку пик и двойку червей. Пасьянс не зашел в тупик, он был прерван. Он так и не был завершен.

Гарри охватило беспокойство. Он посмотрел на пепельницу из зеленого стекла и увидел, что все бычки являются окурками от сигарет «Кэмел» без фильтра. Была ли это та марка сигарет, которую курил Медоуз? Или его убийца? Босх встал и начал обходить комнату. Обоняние снова среагировало на слабый запах мочи. Он опять прошел в спальню. Выдвинул ящики комода и еще раз уставился на их содержимое. Ничто не шевельнулось в его мозгу. Он подошел к окну и посмотрел на тыльную часть другого многоквартирного дома, по ту сторону узкого проезда. На дорожке стоял человек с тележкой, какие бывают в супермаркетах, и ковырял палкой в мусоре. Тележка была наполовину полна алюминиевых банок. Босх отошел от окна, сел на кровать и прислонился к стене в том месте, где должна была находиться спинка, но вместо этого на белой краске появилось неряшливое грязно-серое пятно. Стена холодила спину.

– Расскажи мне что-нибудь, – прошептал он, обращаясь неизвестно к кому.

Что-то прервало карточную игру, и Медоуз умер именно здесь, Босх в этом не сомневался. А потом его тело перенесли в трубу. Но зачем? Почему было не оставить его тут? Босх опять ткнулся головой в стену и посмотрел прямо перед собой, в противоположный конец комнаты. Вот тогда-то он и заметил в стене гвоздь. Гвоздь торчал примерно в трех футах над комодом и когда-то, давным-давно, был выкрашен в белый цвет вместе со стеной. Вот почему он раньше его не заметил. Он встал и пошел взглянуть за комод. В трехдюймовом пространстве между комодом и стеной он увидел край рамки от картины. Плечом отодвинув тяжелый комод от стены, Босх поднял рамку. Присев на край кровати, начал ее рассматривать. Стекло треснуло, видимо при падении, и замысловатая паутина из трещин частично заслонила черно-белое фото размером восемь на десять дюймов. Изображение было зернистым, и бумага пожелтела по краям. Фотографии было больше двадцати лет. Босх знал это точно, потому что между двумя трещинами на стекле увидел свое собственное лицо, молодое и улыбающееся.

Он повернул рамку и осторожно отогнул назад жестяные зубчики, которые удерживали на месте картонный задник. Когда он вытаскивал пожелтевшее фото из рамки, стекло наконец не выдержало, и осколки посыпались на пол. Босх отодвинул ноги от стекла, но не встал, так и остался сидеть. Он разглядывал фотографию. Ни с лицевой стороны, ни с оборотной на ней не было никаких пометок, подсказывающих, где или когда был сделан снимок. Но он знал, что это было, вероятно, в конце 1969-го или в начале 1970 года, потому что после этого времени кое-кого из изображенных на снимке людей уже не было в живых.

На фотографии их было семеро. Все – «туннельные крысы». Они были без рубашек и гордо демонстрировали свои загоревшие, в футболках тела и татуировки; солдатские персональные медальоны скреплены, чтобы не бряцали, когда бойцы проползали по подземным коридорам. Должно быть, они находились в секторе «Эхо» района Ку-Чи⁷, но Босх не мог определить или вспомнить, в каком селении. Солдаты стояли в траншее, расположившись по обеим сторонам входа в подземный лаз – не шире той трубы, в которой впоследствии Медоуза найдут мертвым. Босх посмотрел на самого себя и подумал, что на фотографии у него дурацкая улыбка. Сейчас он ее устыдился, потому что знал, чему было суждено произойти после запечатленного на пленке момента. Потом взглянул на лицо Медоуза и увидел бледную ухмылку и рассеянный, отсутствующий взгляд. Товарищи всегда говорили, что даже в комнате восемь на восемь футов у Медоуза будет взгляд словно с расстояния в тысячу ярдов.

Босх уронил взгляд под ноги, где валялись куски стекла, и увидел розовый клочок бумаги размером с бейсбольную карточку. Он поднял его, осторожно ухватив с боков, и стал рассматривать. Это была расписка из ломбарда, расположенного в деловой части города. На ней значилось имя клиента: Уильям Филдз. Заложен был только один предмет: старинный браслет, золотой, инкрустированный нефритом. Выдана была расписка шестью неделями ранее. За браслет Филдз получил восемьсот долларов. Босх убрал квитанцию в вынутый из кармана конверт для улик и встал.

Из-за плотного потока машин, спешащих к стадиону на «Доджерс», поездка в центр города заняла час. Босх провел это время в размышлениях о только что покинутой квартире. До них кто-то уже обыскивал квартиру, но Эдгар был прав: сделано это было в спешке. Самым очевидным свидетельством тому были карманы брюк. Но ящики комода тоже следовало бы поставить обратно в правильном порядке, а фотографию и спрятанную в ней квитанцию не следовало пропускать. Чем объяснялась эта спешка? Босх пришел к такому выводу: причина состояла в том, что во время обыска тело Медоуза находилось в квартире. И его требовалось поскорее убрать.

⁷ Ку-Чи – комплекс подземных ходов в Хошимине (бывшем Сайгоне), основной очаг партизанского сопротивления.

Босх выехал на Бродвей и направился по нему в южную сторону, мимо площади Таймсквер, в ломбард, что располагался в Брэдбери-билдинг. В выходные дни в деловой части Лос-Анджелеса было большей частью так же тихо, как на Форест-Лаун, и он не ожидал найти ломбард – к слову, носивший название «Счастливый заклад» – открытым. Ему просто хотелось из любопытства взглянуть на это место прежде, чем направиться в коммуникационный центр. Но когда он проезжал мимо, то увидел человека с баллончиком аэрозольной краски, который вырисовывал на листе фанеры черные буквы «ОТКРЫТО». Фанера была установлена на месте парадной витрины. Под ней, на грязном тротуаре, Босх узрел стеклянные осколки. Он затормозил. К тому моменту, как он подошел к двери, мужчина уже скрылся в помещении. Босх шагнул через луч фотоэлемента, вследствие чего откуда-то сверху, над всеми свисающими с потолка музыкальными инструментами, тотчас раздался звон колокольчика.

– Закрыто! Я не работаю по воскресеньям! – крикнул из глубины магазина мужской голос.

Человек стоял за хромированной кассой, поставленной поверх застекленного прилавка.

– На вывеске, которую вы только что рисовали, написано совсем другое.

– Да, но это относится к завтрашнему дню. Когда люди видят поверх витрины лист фанеры, они думают, что закрыто. Я не закрылся. Я работаю, но только не в выходные. У меня эта доска совсем недавно. Поэтому я и написал на ней «ОТКРЫТО», чтобы люди знали, понимаете? Открыто начиная с завтрашнего дня.

– Вы хозяин ломбарда? – спросил Босх, предъявляя служебное удостоверение и привычным жестом приоткрывая футляр с полицейским значком. – Это займет всего пару минут.

– О, полиция! Почему же вы сразу не сказали? Я жду вас целый день.

Босх растерянно огляделся, потом смекнул:

– Вы имеете в виду витрину? Я здесь по другому поводу.

– Что значит «по другому поводу»? Что вы хотите сказать? Патрульный полицейский велел мне ждать детектива. Я и жду. Я здесь с пяти утра.

Босх обвел глазами помещение. Оно было наполнено неизменным набором из медных духовых инструментов, старой электроники, ювелирных изделий и коллекционных предметов.

– Послушайте, мистер...

– Обинна. «Ломбарды Оскара Обинны в Лос-Анджелесе и Калвер-Сити».

– Мистер Обинна, сыщики не выезжают по выходным по поводу случаев вандализма. Возможно, они не делают этого даже и в будни.

– Какой еще вандализм? Это было проникновение со взломом. Грандиозное ограбление.

– Вы хотите сказать, кража со взломом? А что украли?

Обинна повел рукой, указывая на две разбитые стеклянные витрины. Босх подошел поближе и увидел мелкие ювелирные украшения, дешевого вида серьги и кольца, затерявшиеся среди осколков стекла. Но он увидел также покрытые бархатом подставки для драгоценностей, зеркальные пластины и деревянные крючки, где должны были находиться украшения подороже, но их не было. Он огляделся и не заметил в магазине больше никакого ущерба.

– Мистер Обинна, я могу позвонить дежурному детективу и узнать, собирается ли кто-нибудь приехать сюда сегодня, и если да, то когда они будут. Но вообще-то, я пришел не за этим.

Тут Босх вытащил пластиковый конверт, внутри которого лежала ломбардная расписка. Он показал ее Обинне:

– Нельзя ли мне взглянуть на этот браслет?

В тот самый миг, как Босх это произнес, он понял, что на него накатывает скверное предчувствие. Ростовщик, маленький, кругленький, с оливковой кожей и остатками темных волос вокруг лысого черепа, скептически посмотрел на Босха, сдвинув кустистые брови:

– Значит, вы не собираетесь заняться моими витринами?

– Нет, сэр, я расследую убийство. Не могли бы вы показать мне браслет, упомянутый в этой расписке? А потом я позвоню в детективный отдел и выясню, приедет ли кто-нибудь сегодня расследовать вашу кражу со взломом. Заранее благодарен вам за сотрудничество.

– Ай! Ну вы и люди! Я-то сотрудничаю! Я каждую неделю отсылаю списки, даже делаю для ваших людей снимки сданных вещей. И после этого все, о чем я прошу, – один-единственный сыщик, чтобы расследовать мое ограбление. А вместо этого приходит человек, который говорит, что его интересует убийство. Я жду с пяти утра.

– Где ваш телефон? Я кого-нибудь сюда пришлю.

Обинна снял трубку телефона, висящего на стене позади одной из поврежденных витрин, и протянул гостю. Босх назвал ему номер, который нужно набрать. Босх разговаривал с дежурным детективом в Паркер-центре⁸, а тем временем владелец ломбарда искал ссылку на данную квитанцию в журнале учета. Дежурный детектив, женщина, о которой Босх знал, что она за всю свою карьеру полицейского в отделе убийств не участвовала в выезде на место преступления, спросила, как у него дела, затем сказала, что сообщила об ограблении ломбарда в местный участок, хотя и знает, что там сегодня не будет детективов. Местным участком было Центральное отделение. Тем не менее Босх прошел за прилавком и набрал номер местного детективного отдела. Никто не ответил. Пока телефон продолжал давать долгие гудки, Босх стал имитировать разговор:

– Алло, это Гарри Босх, Голливудское отделение. Я хотел узнать, в каком состоянии дело со взломом ломбарда «Счастливый заклад» на Бродвее... Да, он здесь... Вы знаете... Когда?... Ага, ага... Верно... Обинна, О-Б-И-Н-Н-А.

Он оглянулся. Обинна кивнул, подтверждая орфографию.

– Да, он здесь, ждет... Верно... Я ему передам. Спасибо.

Он повесил трубку. Обинна смотрел на него, выгнув дугой кустистые брови.

– У меня сегодня выдался трудный день, мистер Обинна, – проговорил Босх. – Детективов сейчас нет на месте, но они придут. Думаю, ждать уже недолго. Я сообщил дежурному офицеру ваше имя и попросил отправить их сюда как можно скорее. Ну а теперь могу я увидеть браслет?

– Нет.

Босх извлек сигарету из пачки, которую вытащил из кармана пиджака. Он знал, что сейчас услышит, еще прежде, чем Обинна, широко обведя рукой, указал на одну из разбитых демонстрационных витрин.

– Ваш браслет... его украли, – сказал ростовщик. – Я проверил по своим записям. Я держал его вот здесь, в витрине, потому что это была тонкая, изящная вещь, очень ценная для меня. Теперь она пропала. Мы с вами оба жертвы этого ограбления, не так ли?

Обинна усмехнулся, явно счастливый возможностью разделить с кем-то свои несчастья. Босх посмотрел на поблескивающие острые осколки стекла на дне витрины, потом кивнул и сказал:

– Так.

– Вы опоздали на один день, детектив. Какая досада!

– Вы сказали, что только эти две витрины пострадали?

– Да. Грабительский налет. Раз-два и готово!

– В какое время это произошло?

– Мне позвонили из полиции в четыре тридцать утра. Это время, когда сработал сигнал тревоги. Я сразу же приехал. Сигнал тревоги сработал, когда разбивали стекла. Приехавший патруль никого не обнаружил. Патрульные оставались здесь до моего прихода. Потом я стал

⁸ Паркер-центр – здание полицейской администрации в Лос-Анджелесе.

ждать сыщиков, которые так и не явились. Я не могу привести в порядок свои витрины, пока они не придут на место преступления, чтобы все расследовать.

Босх размышлял о факторе времени. Тело привезли на плотину и выгрузили где-то незадолго до анонимного звонка в службу спасения, который поступил в четыре утра. Ломбард грабанили примерно в то же время. Браслет, заложенный человеком, которого убили, был украден. Совпадений не бывает, сказал он себе.

– Вы что-то сказали насчет фотографий. Списки и фотографии сданных в ломбард вещей?

– Да, по распоряжению Управления полиции Лос-Анджелеса, это верно. Я передаю списки всего, что принимаю в залог, детективам, которые занимаются ломбардами. Таков порядок. Я всегда сотрудничаю с властями.

Обинна кивнул и хмуро уставился в разбитую витрину.

– Так что там насчет фотографий? – снова спросил Босх.

– Да, фотографии... Эти детективы, они попросили меня делать фотографии моих лучших поступлений. Сказали, это помогает отслеживать краденое. Закон этого не требует, но я полностью сотрудничаю. Я купил фотокамеру «Поляроид». И я храню эти снимки, на тот случай, если им захочется прийти и взглянуть. Но никто, конечно, не приходит. Все это чепуха на постном масле.

– У вас есть фотография этого браслета?

Брови опять изогнулись – Обинна начал впервые всерьез переваривать эту мысль.

– Думаю, да, – ответил он и в следующую секунду скрылся за черной занавеской, прикрывавшей дверной проем за прилавком.

Через некоторое время он вышел с коробкой из-под обуви, полной поляроидных снимков с прикрепленными к ним полосками желтой копирки. Старик принялся хрустя перебирать фотографии. Время от времени он вытаскивал какую-нибудь из них, вскидывал брови, а затем возвращал на место. Наконец он нашел то, что искал.

– Вот. Вот она.

Босх взял фотографию и принялся рассматривать.

– Старинное золото с резным нефритом, очень тонкая работа, – сказал Обинна. – Я помню этот браслет, первоклассное изделие, высокий стиль. Неудивительно, что этот подлец, который вломился, украл его. Изготовлен в тридцатых годах в Мексике... Я дал за него тому человеку восемьсот долларов. Я не часто плачу такую цену за ювелирное изделие. Помню, был случай: пришел очень важный человек, принес кольцо. В тысяча девятьсот восемьдесят третьем году. Очень красивое. Я дал ему тысячу долларов. Он так за ним и не вернулся.

Он вытянул левую руку, чтобы продемонстрировать огромное золотое кольцо, которое на его маленьком пальце выглядело даже крупнее.

– А человек, который заложил браслет... его вы так же хорошо помните?

Обинна выглядел озадаченным. Босху подумалось, что наблюдать за его бровями – все равно как за двумя набрасывающимися друг на друга гусеницами. Он вытащил из кармана один из поляроидных портретов Медоуза и протянул ростовщику. Тот некоторое время внимательно изучал его.

– Этот человек мертв, – вымолвил он наконец. Гусеницы подрагивали, точно от страха. – Этот человек выглядит мертвым.

– Чтобы определить это, мне не нужна ваша помощь, – сказал Босх. – Я хочу знать, он ли заложил этот браслет.

Обинна отдал фотографию обратно.

– Пожалуй, да, – произнес он.

– Он еще когда-нибудь приходил сюда, чтобы что-то заложить – до или после браслета?

– Нет. Думаю, я бы его запомнил. Пожалуй, нет.

– Мне необходимо это забрать, – сказал Босх, поднимая вверх фотоснимок браслета. – Если он вам понадобится, позвоните мне.

И детектив положил на кассовый аппарат свою визитную карточку. Карточка была из дешевых – имя и телефон на ней были написаны от руки, вдоль отпечатанных типографским способом линий. Шагая к входной двери под вереницей банджо, Босх взглянул на свои часы. Потом повернулся к Обинне, который продолжал рыться в коробке с поляроидными снимками:

– Мистер Обинна... дежурный офицер, он просил меня передать вам, что если детективы не явятся сюда через полчаса, то вам следует идти домой, а они приедут завтра утром.

Обинна молча посмотрел на него. Гусеницы на его лице бросились друг на друга и сцепились. Босх завел глаза к потолку и увидел свое отражение в блестящем медном колене висевшего над головой саксофона. Потом повернулся и вышел на улицу, чтобы отправиться в коммуникационный центр за магнитофонной записью.

Дежурный сержант в коммуникационном центре, расположившемся под помещением городского управления, позволил Босху переписать запись телефонного звонка в службу спасения с одного из больших катушечных магнитофонов, которые непрерывно вращались, фиксируя все вопли, плачи и призывы о помощи большого города. Голос оператора, принимавшего сегодня утром звонки по чрезвычайным ситуациям, был женским и принадлежал явно чернокожей женщине. Звонивший же, судя по голосу, был, напротив, белым мужчиной, при этом совсем юным.

– Служба девять-один-один. Что у вас произошло?

– Мм...

– Чем могу вам помочь? Что вы хотите сообщить?

– Мм... да... я хочу сообщить, что у вас в трубе мертвец.

– Вы сообщаете о трупе?

– Ага, верно.

– Что вы подразумеваете, говоря «в трубе»?

– В трубе, у дамбы.

– У какой дамбы?

– Мм... ну, вы знаете, откуда идет вода из резервуара и все такое. Где надпись «Голливуд».

– Это Малхолланд-дэм, сэр? Над Голливудом?

– Ага, эта. Все правильно. Малхолланд. Я позабыл название.

– Где находится тело?

– Там есть большая старая труба. Ну, знаете, в которых еще люди спят. Так вот жмурик в этой трубе. Он там.

– Вы знаете этого человека?

– Нет, что вы, совсем не знаю!

– Он спит?

– Да нет же, черт! – Парень нервно рассмеялся. – Он мертвый.

– Почему вы так уверены?

– Знаю – и все. Мое дело вам сказать. Если вы не хотите слу...

– Как ваше имя, сэр?

– Зачем это?! Зачем вам мое имя? Я просто видел. Это не я его убил.

– Откуда мне знать, что это не ложный звонок?

– Возьмите проверьте. Ну загляните в трубу. Я не знаю, что еще вам сказать. При чем здесь мое имя?

– Для оперативного учета. Вы могли бы назвать свое имя?

– Мм... нет.

– Сэр, вы не побудете там, пока приедет полицейский?

– Нет, я уже оттуда ушел. Я уже не там, понятно? Я внизу...

– Я понимаю, сэр. У меня высветились данные на дисплее, из которых видно, что вы в платном таксофоне на Гауэр-стрит, рядом с Голливудским бульваром. Вы не могли бы дождаться полицейского?

– Как это вы?.. Нет, ничего... Мне надо идти. Но вы проверьте. Тело там. Мертвый мужик.

– Сэр, нам бы хотелось задать вам...

Связь оборвалась. Босх положил кассету в карман и вышел из коммуникационного центра тем же путем, каким пришел сюда.

Прошло десять месяцев с тех пор, как Гарри Босх последний раз был на третьем этаже Паркер-центра. Он проработал в отделе ограблений и убийств почти десять лет, но больше там не появлялся – после своего понижения. А точнее, после отстранения и перевода из специальной опергруппы по расследованию убийств в детективы Голливудского отделения. В тот день, когда он получил этот приказ, его стол был расчищен двумя болванами из службы внутренних расследований, которых звали Льюис и Кларк. Они просто перетащили его вещи в Голливудский участок на длинный стол, который занимали там детективы, специализирующиеся на расследовании убийств. Затем оставили сообщение на его домашнем автоответчике, объясняя, где он может все это найти. И вот сейчас, спустя десять месяцев, он снова был на священном этаже элитного детективного подразделения полицейского департамента и радовался, что сегодня воскресенье. Не будет знакомых лиц. Не придется отворачиваться.

Комната 321 была пуста, если не считать незнакомого дежурного детектива, несущего воскресную вахту.

– Босх, Голливудский участок, – отрекомендовался ему Гарри. И, ткнув пальцем в глубину помещения, добавил: – Мне нужно воспользоваться ящиком.

Перед дежурным, молодым парнем со стрижкой, которую он, видно, не стал менять, демобилизовавшись из морской пехоты, на столе был открыт каталог оружия. Он тоже бросил взгляд на компьютеры вдоль задней стены, словно хотел убедиться, что они по-прежнему там, а затем опять посмотрел на Босха.

– А почему бы не тем, что стоит в вашем собственном участке? – отозвался он.

Босх подошел ближе.

– У меня нет времени ехать в Голливуд. Через двадцать минут я должен быть на вскрытии, – солгал он.

– А знаете, Босх, я о вас слышал. Да-да. Телесериал и все такое прочее. Вы работали на этом этаже. Раньше работали.

Последняя фраза повисла в воздухе не хуже смога, и Босх постарался ее проигнорировать. Когда он шел к компьютерным терминалам, глаза против воли скользнули на его прежний письменный стол. «Интересно, кто сидит за ним сейчас?» Стол был загроможден всякой всячиной, и Босх отметил, что карточки в настольной картотеке были твердыми и не обтрепанными по краям. Новенькими. Гарри обернулся и посмотрел на дежурного офицера, который так и не спускал с него глаз.

– Это ваш стол в обычные дни?

Молодой человек улыбнулся и кивнул.

– Вполне заслуженно, парень. Ты как раз подходящий человек для этой роли. Эти волосы, эта глупая ухмылка. Ты далеко пойдешь.

– Только потому, что вас выгнали отсюда за превышение и самоуправство... Да пошел ты, Босх... списанный в расход!

Босх выдвинул из-за какого-то письменного стола стул на колесиках и подтолкнул его к персональному компьютеру IBM, установленному у дальней стены. Щелкнул выключателем, и через несколько секунд на экране появились янтарно-желтые буквы: «Homicide Information Tracking Management Automated Network»⁹. Сокращенно HITMAN¹⁰.

Босх усмехнулся над неубывающей страстью полицейского департамента к сокращениям. Ему казалось, что каждое подразделение, каждая временная рабочая группа и каждый компьютерный файл были окрещены таким именем, чтобы придать его аббревиатуре элитное звучание. Для непосвященного уха эти сокращения должны были символизировать решительность, энергию, мощь людских ресурсов, брошенных на воплощение конкретной задачи. Так, здесь имелись HITMAN, COBRA, CRASH, BADCATS, DARE и сотни других в таком роде. Он был уверен, что где-то в Паркер-центре имелся некто, кто проводит целые дни за сочинением забористых, хлестких аббревиатур. Компьютеры имели аббревиатуры, даже идеи имели аббревиатуры. Если ваше спецподразделение не имело аббревиатуры, то вы ни черта не стоили в этом ведомстве.

Как только он оказался в базе данных HITMAN, на экране появился шаблон-пустографка для вопросов, и Босх забил в пробелы нужную информацию. Затем впечатал три ключевые группы слов для поиска: «Малхолланд-дэм», «передозировка» и «имитация передозировки» – и нажал клавишу выполнения. Через полминуты компьютер сказал ему, что поиск среди восьми тысяч дел об убийстве – за период примерно в десять лет, – хранящихся на жестком диске компьютера, выявил только шесть попаданий. Босх вызвал их одно за другим. Первые три были нераскрытыми убийствами молодых женщин, которые были найдены мертвыми на плотине в начале 1980-х годов. Каждая была задушена. Босх бегло просмотрел информацию и двинулся дальше. В четвертом деле речь шла о трупе, который обнаружили плавающим в резервуаре пятью годами ранее. Причиной смерти было не утопление, но что именно, осталось неустановленным. Последние два были случаями передозировки наркотиков, первый из которых произошел во время пикника в парке над водохранилищем. Дело показалось Босху совершенно ясным, и он стал смотреть дальше. Последнее попадание представляло собой случай, когда в той же трубе четырнадцатью месяцами раньше был обнаружен труп. Причиной смерти позднее признали остановку сердца вследствие передозировки героинового полуфабриката.

«Покойный часто посещал данную территорию и спал в трубе, – высветилось на дисплее. – Дополнительные данных нет».

Именно эту смерть упомянул Краули, дежурный сержант Голливудского отделения, когда утром разбудил Босха. Гарри нажал соответствующую клавишу и распечатал информацию об этой последней смерти, хотя, в общем-то, не считал, что она имеет отношение к делу. Он вышел из программы и выключил компьютер, потом посидел с минуту, размышляя. Не вставая со стула, крутанулся к другому ПК. Включил его и ввел свой пароль. Потом вытащил из кармана поляроидный снимок, посмотрел на браслет и впечатал его описание в базу поиска украденного имущества. Эта операция уже сама по себе была искусством. Босху пришлось описывать браслет таким образом, каким, по его мнению, сделали бы это другие копы, составляя опись ювелирных изделий, похищенных в результате ограбления или кражи со взломом. Он описал браслет просто как «старинный золотой браслет с резными дельфинами из нефрита». Нажал клавишу, запускающую поиск, и через тридцать секунд на компьютерном экране появились слова: «Не найдено». Он попробовал еще раз, впечатав «браслет из золота с нефритом», и снова ткнул в клавишу поиска. На сей раз выскочило 436 попаданий. Слишком много. Требовалось сузить зону поиска. Он напечатал: «золотой браслет с нефритовыми рыбами». Шесть попаданий. Это уже больше подходило.

⁹ Автоматизированная сеть управления отслеживанием информации по убийствам (англ.).

¹⁰ Наемный убийца (англ.).

Компьютер говорил, что с момента введения данной компьютерной системы в 1983 году золотой браслет с резными нефритовыми рыбами появлялся в четырех полицейских отчетах о преступлениях и двух бюллетенях полицейского департамента. Босху было известно, что из-за бесконечного копирования в каждом полицейском участке все шесть записей могут являться – и, вероятно, являются – производными одного и того же отчета о пропаже либо краже браслета. Он вызвал на экран сокращенные версии отчетов по делу и убедился, что его предположение верно. Все сведения были порождены одним и тем же ограблением, произошедшим в сентябре прошлого года в районе Шестой авеню и Хилл-стрит в центральной части города. Жертвой ограбления была женщина по имени Гарриет Бичем, семидесяти одного года, проживающая в районе Сильвер-Лейк. Босх попытался определить в уме местонахождение, но не смог сообразить, что за здание или офис там находится. В компьютере не было краткой сводки этого преступления: ему придется обратиться к архивным записям и добыть себе удобочитаемый печатный или машинописный текст. Но тут имелось краткое описание золотого с нефритом браслета и нескольких других ювелирных изделий, украденных у Бичем. Браслет, о пропаже которого заявила Бичем, мог быть, а мог и не быть тем самым, который отнес в ломбард Медоуз, – описание было слишком общим. В компьютерном отчете приводилось несколько ссылок на дополнительные отчеты, и Босх переписал все их номера в записную книжку. Пока он это делал, ему показалось, что утрата Гарриет Бичем своих драгоценностей породила подозрительно большой расход бумаги.

Далее он сделал запрос по двум указанным бюллетеням. Оба происходили из ФБР; первый был выпущен через две недели после того, как Бичем ограбили. Затем он же вышел повторно через три месяца, когда драгоценности Бичем так и не объявились. Босх записал номер бюллетеня и выключил компьютер. После чего прошел в другой конец комнаты, к секции ограблений и взломов в коммерческих предприятиях. На стальной полке, тянувшейся вдоль задней стены, стояли десятки черных папок, содержащих подборки бюллетеней за прошлые годы, по старым делам, и в том числе – нераскрытым. Босх снял одну из папок, помеченную сентябрем, и начал просматривать. Он быстро понял, что бюллетени не были подобраны в хронологическом порядке и не все из них вышли в сентябре. В сущности, не было вообще никакого порядка. Возможно, ему придется просмотреть все десять месяцев с момента ограбления Бичем, чтобы найти нужный бюллетень. Босх снял с полки охапку папок и сел рядом, за стол, относящийся к секции взломов и ограблений. Спустя несколько секунд он почувствовал по другую сторону стола чье-то присутствие.

– Что тебе нужно? – спросил он, не поднимая взгляда.

– Что мне нужно? – переспросил дежурный офицер. – Мне нужно знать, какого дьявола вы тут делаете, Босх. Вы здесь больше не работаете. Вы не имеете права так просто заявляться сюда, будто заправляете следственной группой. Поставьте эти штуки обратно, а если вам надо их посмотреть, так придите завтра и попросите, черт возьми! И не вешайте мне лапшу насчет вскрытия! Вы здесь торчите уже полчаса!

Босх поднял голову. Он определил возраст молодца лет в двадцать восемь – двадцать девять – даже меньше, чем было ему самому, когда он пришел в отдел ограблений и убийств. Либо стандарты понизились, либо отдел был уже не тем, что прежде. Босх знал, что на самом деле и то и другое. Он снова уставился в папку с бюллетенями.

– Я с тобой разговариваю, козел! – загремел детектив.

Босх ногой дотянулся до стоявшего с другой стороны стула и пнул его. Стул вылетел из-под стола и спинкой ударил детектива в промежность. Вскрикнув, тот сложился пополам, хватаясь за стул, чтобы не упасть. Босх понимал, что сейчас оправдывает свою репутацию. Гарри Босх: нелюdim, задира, убийца... «Ну давай, малыш, – мысленно говорил он. – Сделай что-нибудь!»

Но молодой детектив только паялился на него, подавляя гнев и унижение. Он был копом, который может выхватить пистолет, но, пожалуй, не станет взводить курок. И как только Босх это просчитал, он понял, что парень оставит его в покое.

Молодой полицейский покачал головой, изобразил руками движение, говорящее: «Ну, с меня хватит!», и направился к столу дежурного.

– Валяй, накатай на меня телегу, малыш, – бросил ему в спину Босх.

– Пошел ты, – вяло отозвался парень.

Босх знал, что ему не о чем беспокоиться. Служба внутренних расследований даже не взглянет на жалобу одного полицейского на другого, не подтвержденную свидетельскими показаниями или магнитофонной записью. Жалоба одного копа на другого представляла собой нечто такое, чего в этом ведомстве предпочитали не касаться. В глубине души они хорошо понимали, что слово копа само по себе не имеет никакой ценности. Вот почему копы из службы внутренних расследований всегда работали парами.

Просидев час и выкурив семь сигарет, Босх нашел, что искал. Фотокопия другого поляроидного снимка того же самого браслета являлась частью пятидесятистраничного набора из описаний и фотографий. Это были описания и фотографии вещей, пропавших в результате ограбления Уэстлендского национального банка на пересечении Шестой авеню и Хилл-стрит. Теперь Босху удалось припомнить это место, и он даже вспомнил темное дымчатое стекло банковского здания. В самом банке он никогда не бывал. «Кража драгоценностей из банка», – подумал он. Впрочем, толку от этого открытия было мало. Детектив внимательно вчитался в список заявленных пропаж. Почти каждый предмет представлял собой ювелирное изделие, и предметов было слишком много для того, чтобы их было так просто зайти и забрать. Одной только Гарриет Бичем, судя по списку, принадлежало восемь старинных колец, четыре браслета, четыре пары серег. Кроме того, изделия заявлялись как похищенные не в результате вооруженного налета, а в результате кражи со взломом. Босх поискал поблизости какое-либо краткое описание этого преступления, но такого не нашел. Был упомянут только сотрудник ФБР, занимающийся этим делом: специальный агент Э. Д. Уиш.

Затем в сводной таблице по нераскрытым делам он заметил, что в качестве даты происшествия указаны целых три дня. Ограбление произошло через несколько дней с начала первой недели сентября. Уик-энд Дня труда¹¹. Банки в деловой части города закрыты аж на три дня. Определенно то была кража из банковских депозитных сейфов. Подкоп? Босх откинулся назад и задумался. Почему же такое преступление ему не запомнилось? Подобная кража должна была бы в течение нескольких дней обмусоливаться в прессе. В Управлении полиции о ней говорили бы еще дольше. Потом он сообразил, что в День труда и в течение трех последующих недель находился в Мексике. Банковская кража произошла, пока шел срок его месячного отстранения в связи с делом Кукольника. Он подался вперед, снял телефонную трубку и набрал номер.

– «Таймс», Бреммер.

– Это Босх. Опять застаю тебя за работой в воскресенье, а?

– С двух до десяти, каждое воскресенье, без права условно-досрочного освобождения. Так что случилось? Мы с тобой не разговаривали со времен... э-э... тогдашней твоей проблемы с делом Кукольника. Как тебе работается в Голливудском отделении?

– Сойдет. На время, по крайней мере. – Он говорил приглушенно, так чтобы дежурный детектив не мог подслушать.

– Вот так, значит? – сказал Бреммер. – Что ж, я слышал, ты сегодня утром подцепил жмурика на плотине.

¹¹ День труда – первый понедельник сентября.

Джоэл Бреммер вел раздел полицейских новостей в газете «Лос-Анджелес таймс» дольше, чем прослужили в органах правопорядка большинство копов, включая Босха. Мало могло найтись такого – из событий, проходящих по этому ведомству, – чего бы он не знал или не мог бы выяснить с помощью телефонного звонка. Год назад он позвонил Босху, чтобы тот прокомментировал свое двадцатидвухдневное отстранение без сохранения содержания. Он узнал о нем раньше самого Босха. Обычно полицейское управление ненавидело «Таймс», а газета никогда не упускала случая покритиковать управление. Но в сердцевине всего этого находился Бреммер, которому каждый коп мог доверять, и многие, как, например, Босх, так и делали.

– Да, именно этим делом я сейчас занимаюсь, – сказал Босх. – Пока особенно говорить не о чем. Но я хочу попросить тебя об услуге. Если дело обернется так, как обещает, для тебя появится кое-что интересное.

Босх знал, что ему нет нужды бросать приманку, просто он хотел, чтобы репортер знал: впоследствии может кое-что измениться.

– Так что от меня требуется? – спросил Бреммер.

– Как тебе известно, на прошлый День труда меня не было в городе. У меня был большой отпуск – спасибо СВР. Поэтому я прозевал тот случай. Но там было...

– Ограбление через подземный ход? Ты собираешься спросить меня о деле с подземным ходом? Здесь, в центре города? Драгоценности, оборотные долговые обязательства, сертификаты акций, быть может, наркотики?.

Босх услышал, как голос журналиста взволнованно подскочил на несколько делений. Он понял, что его догадка была верной: эта кража действительно была связана с подкопом и история получила широкий резонанс. Если Бреммер так заинтересовался, значит дело было нешуточным и того стоило. И все-таки Босх был удивлен, что сам он ничего о нем не слышал, когда в октябре уже вернулся и приступил к работе.

– Да, оно самое, – сказал он. – Меня тогда здесь не было, так что я не в курсе. Кого-нибудь арестовали?

– Нет, дело остается открытым. Когда я в последний раз наводил справки, им занималось ФБР.

– Я бы хотел сегодня вечером взглянуть на старые газетные вырезки. Это можно будет устроить?

– Я сделаю копии. Когда ты придешь?

– Уже бегу.

– Я так понимаю, это дело имеет какое-то отношение к сегодняшнему трупу?

– Похоже на то. Возможно. Я не могу сейчас говорить. И я знаю, что делом занимаются люди из Бюро. Я завтра схожу их навестить. Вот почему мне хочется сегодня взглянуть на газетные подборки.

– Я буду у себя.

Положив трубку, Босх опять посмотрел на лежащий перед ним фэбээровский снимок браслета. Несомненно, это было именно то ювелирное изделие, которое заложил Медоуз и которое запечатлел на поляроидном снимке ростовщик Обинна. На снимке ФБР браслет находился на усеянном темными старческими пятнами женском запястье. Три маленькие резные рыбки, резвящиеся в золотой волне. Босх догадался, что запястье как раз и принадлежало той самой Гарриет Бичем, а снимок был, вероятно, сделан в целях, связанных со страховкой. Он бросил взгляд на сидящего поодаль дежурного детектива – тот по-прежнему листал каталог оружия. Гарри громко кашлянул – на манер того, как сделал в одном виденном им фильме актер Николсон, – и в этот момент вырвал нужный листок из подшивки. Молодой детектив покосился в его сторону и вновь вернулся к своим пулям и пистолетам.

Когда Босх убрал сложенный листок в карман, запищал пейджер. Гарри снял трубку телефона и перезвонил в Голливудское отделение, рассчитывая услышать, что его поджидает еще какой-нибудь труп. На звонок откликнулся дежурный сержант по имени Арт Крокет, которого все звали Дейви.

– Гарри, ты все еще там, на выезде? – спросил он.

– Я в Паркер-центре. Нужно было тут кое-что проверить.

– Хорошо, тогда ты как раз рядом с моргом. Оттуда звонил криминалист по фамилии Сакаи, сказал, что ему нужно с тобой повидаться.

– Со мной повидаться?

– Он велел сказать тебе, что обнаружилось нечто важное и они сегодня будут делать то вскрытие, о котором ты просил. Практически уже сейчас.

Босху потребовалось пять минут, чтобы добраться до окружной больницы при Университете штата Калифорния, и еще пятнадцать минут, чтобы найти место для парковки. Служба судмедэксперта была расположена позади одного из зданий медицинского центра, которое было признано непригодным после землетрясения 1987 года. Это было двухэтажное блочное здание желтого цвета, без больших претензий на архитектурный стиль и не особенно оживленное. Проходя в главный вестибюль через стеклянные двери, предназначенные для живых, Босх столкнулся с детективом из ведомства шерифа, вместе с которым в начале 1980-х некоторое время работал над делом Ночного охотника.

– Привет, Берни, – улыбнувшись, бросил ему Босх.

– Пошел ты, Босх! – отозвался тот. – Другие тоже занимаются не последним делом.

И детектив обиженно зашагал к стоянке. Гарри некоторое время озадаченно смотрел ему вслед. Потом двинулся по коридору, выкрашенному в зеленый цвет, фирменный для административных зданий, добрался до двойного барьера из дверей – тем временем запах с каждым шагом делался все хуже и хуже. То был запах смерти, смешанный с сильным запахом дезинфицирующего средства; при этом главенствовала смерть. Миновав двойные двери, Босх вскоре вошел в выложенную желтой плиткой комнату санобработки перед прозекторской. Там был Ларри Сакаи, который надевал балахон поверх своей больничной спецодежды. На нем уже были маска и бахилы. Босх взял комплект такого же обмундирования из картонных коробок, стоявших на стойке из нержавеющей стали, и начал все это надевать.

– Какая муха укусила Громилу Берни? – спросил Босх. – Кто его так разъярил?

– Ты, Босх, вот кто, – не глядя на него, ответил Сакаи. – Вчера утром его вызвали на место преступления. Какой-то шестнадцатилетний подонок пристрелил его лучшего друга. В Ланкастере. Выглядит как несчастный случай, но Берни ждет, чтобы мы проверили траекторию пули и следы от пороха. Он хотел сегодня покончить с этим делом. Я сказал ему, что мы примемся вечером, вот он и приехал. Только оказалось, что мы не станем сегодня этим заниматься. А все из-за того, что у Салли возник зуд в одном месте – ему не терпится заняться твоим делом. Не спрашивай меня почему. Он просто осмотрел твоего жмурика и сказал, что мы займемся им сегодня. Я ответил, что тогда нам придется кого-нибудь выкинуть из очереди, и он велел выкинуть Берни. Но я не смог вовремя дозвониться и передать, чтобы тот не приезжал. Ну, вот потому Берни и взъярился. Ты же знаешь, он живет аж в Даймонд-Баре. Далековато ездить впустую.

Босх уже надел маску, балахон и бахилы и последовал за Сакаи по вымощенному плиткой коридору к тому отсеку, где производились вскрытия.

– Тогда, может, ему лучше злиться на Салли, а не на меня? – заметил он.

Сакаи не ответил. Они прошли к первому столу, где на спине лежал голый Билли Медоуз; его шея была прикручена к короткому куску дерева размером два на четыре дюйма. В комнате находилось шесть столов из нержавеющей стали. По краю каждого тянулись сточные желобки,

и были дренажные отверстия по углам. На каждом лежало тело. Спинай к Босху и Сакаи, склонившись над грудной клеткой Медоуза, стоял доктор Джизес Салазар.

– Добрый день, Гарри, я вас ждал, – сказал Салазар, по-прежнему не оборачиваясь. – Ларри, мне потребуются срезы вот этого.

Патологоанатом выпрямился и повернулся к ним. В руке, затянутой в резиновую перчатку, он держал квадратный кусок розовой мышечной ткани. Он поместил его на стальной противень, примерно такой же, как тот, на котором пекутся какие-нибудь заварные пирожные, и вручил противень Сакаи.

– Сделай мне вертикальные срезы: один по месту прокола, два других – по краям, для сравнения.

Сакаи взял противень и вышел из комнаты, направляясь в лабораторию. Босх увидел, что кусок плоти был вырезан из груди Медоуза, примерно в дюйме над левым соском.

– Что вы обнаружили? – спросил Босх.

– Пока еще не уверен. Посмотрим. Вопрос: что вы нашли, Гарри? Мой эксперт, бывший на месте преступления, передал мне, что вы требуете вскрытия этого трупа в приоритетном порядке. Почему?

– Я попросил сделать это сегодня, потому что мне хотелось, чтобы это было сделано завтра. Я подумал, что мы вроде бы сошлись на этом.

– Да, он тоже мне так сказал, но мне стало любопытно. Я люблю хорошую загадку, Гарри. Что побудило вас думать, что здесь дело нечисто, как говорится у вас, детективов?

«У нас так больше не говорится, – подумал Босх. – После того, как выражение перекочевывает в фильмы и его подхватывают люди вроде Салазара, оно уже становится архаикой».

– Просто кое-какие обстоятельства на тот момент не укладывались в схему, – сказал Босх. – А теперь открылись и другие. С моей точки зрения, это выглядит как убийство. Никакой загадки.

– Какие обстоятельства?

Босх вынул записную книжку и, листая страницы, начал рассказывать. Он перечислил детали, подмеченные на месте преступления, которые показались ему подозрительными: сломанный палец, отсутствие отчетливых следов в трубе, рубашка, завернутая на голову.

– У него в кармане была «аптечка» наркомана, и мы также нашли в трубе «плитку», но все это выглядит сомнительным. На мой взгляд, это просто фальшивка, сфабрикованная улика. Сдается мне, его убила та самая доза, от которой на руке остался свежий след. Остальные шрамы все старые. Он уже долгое время не кололся.

– В этом вы правы. Если не считать этого недавнего укола на руке, единственное место, где следы от уколов свежие, – это паховая зона. На внутренней стороне ляжек. Это та зона, которая обычно используется людьми, которые изо всех сил стараются скрыть свою пагубную привычку. Тем не менее этот свежий след может просто свидетельствовать о его возвращении к обычной практике. Что у вас еще, Гарри?

– Он курил, я совершенно уверен. Но при нем не оказалось сигарет.

– Разве не мог кто-нибудь забрать их у трупа? Еще перед тем, как его обнаружили. Бродяга, пробавляющийся тем, что найдет в мусоре?

– Верно. Но почему тогда, взяв курево, он не тронул «аптечку»? И еще его квартира. Кто-то обыскал ее.

– Это мог быть какой-то его знакомый. Искал заначку наркотиков.

– Опять верно. – Босх пролистнул еще несколько страниц в записной книжке. – Обнаруженная на теле «аптечка» содержала на ватном фильтре беловато-коричневые кристаллы. Я повидал достаточно неочищенного, полуфабрикатного героина и знаю, что он окрашивает ватный фильтр в темно-коричневый цвет, иногда в черный. Поэтому создается впечатление, что ему в руку был вколот высококачественный, очищенный наркотик, возможно загранич-

ный. Это не согласуется с его образом жизни и обстановкой в квартире. Это наркотик, который употребляют в фешенебельных кварталах.

Салазар раздумывал некоторое время.

– Все это лишь набор предположений, Гарри, – сказал он.

– И последнее, то, над чем я как раз начинаю работать, – он был замешан в одной краже.

Босх кратко изложил все, что знал о браслете, о его похищении из банковского сейфа, а затем из ломбарда. Сферой профессионального интереса Салазара были судебно-медицинские подробности дела. Но Босх всегда доверял Салли и считал, что иногда бывает полезно выложить ему и другие детали. Эти двое познакомились в 1974 году, когда Босх был простым полицейским, а Салли – недавно назначенным помощником coronera. Босх был откомандирован стоять в оцеплении, сдерживая натиск толпы на Восточной Пятьдесят четвертой улице, в южной части центрального района, где после огневого сражения с Симбионистской армией освобождения¹² остались сгоревший дотла дом и среди дымящихся развалин – пять трупов. Салли назначили выяснить, было ли там, среди углей, шестое тело – Пэтти Херст. Оба провели там три дня, и когда Салли наконец оставил надежду там ее найти, Босх выиграл пари, что она еще жива и находится где-то в другом месте.

Когда Босх закончил рассказ о браслете, это будто ослабило опасения Салли по поводу того, что смерть Билли Медоуза не таит в себе хорошей загадки. Судмедэксперт зажегся энергией. Он обратился к тележке, на которой горкой лежали режущие инструменты, и подкатил ее к столу для вскрытия. Потом включил магнитофон, поставленный в режим записи с микрофона, и взял скальпель и пару обычных садовых ножниц.

– Ну что ж, приступим, – произнес он.

Босх отступил на несколько шагов, чтобы избежать попадания брызг, и прислонился к стойке, на которой стоял поднос, полный ножей, пил и скальпелей. Табличка, прикрепленная сбоку клейкой лентой, гласила: «Для заточки».

Салазар посмотрел на лежащее перед ним на столе тело Билла Медоуза и начал:

– Это труп хорошо развитого мужчины белой расы, шестидесяти девяти дюймов в длину, весом сто шестьдесят пять фунтов. Физический возраст мужчины при жизни полностью соответствовал установленному возрасту в сорок лет. Тело холодное, небальзамированное, характеризуется полным окоченением и трупными пятнами.

Босх понаблюдал за Салазаром, а потом заметил на стойке рядом с подносом для инструментов пластиковый пакет с одеждой Медоуза. Он пододвинул его и раскрыл. Запах мочи тотчас ударил ему в ноздри, и в памяти возникла комната в квартире Медоуза. Босх натянул пару резиновых перчаток, а тем временем Салазар продолжал описывать состояние тела:

– На левом указательном пальце имеется отчетливый закрытый перелом, без видимого внешнего ушиба или кровоизлияния.

Босх кинул взгляд через плечо и увидел, что Салазар покачивает сломанный палец тупым концом скальпеля, одновременно наговаривая в магнитофон. Он завершил наружное описание тела упоминанием проколов на коже:

– Имеются ранки от подкожных инъекций – в верхней части внутренней поверхности ляжек и на внутренней поверхности левой руки. Прокол на руке источает кровянистые выделения и представляется совсем недавним. На нем отсутствуют струпья. Имеется еще один прокол, в левой верхней части груди, выделяющий небольшое количество кровянистой жидкости. Он чуть больше, чем те, что вызваны подкожными инъекциями. – Салазар заслонил рукой микрофон и сказал, обращаясь к Босху: – Я велел Сакаи сделать тонкие срезы с этого участка. Картина очень интересная.

¹² Симбионистская армия освобождения – североамериканская леворадикальная партизанская организация, действовавшая в США в 1973–1975 годах.

Босх кивнул, снова повернулся к стойке и начал раскладывать на ней одежду Медоуза, слыша, как за спиной Салазар большими ножницами вскрывает грудную клетку покойника.

Детектив вывернул каждый карман, изучающе разглядывая свалявшиеся там пушинки. Он вывернул носки и проверил внутренность трусов и рубашки. Ничего. Взял с подноса предназначенный на заточку скальпель, надрезал нитки, скрепляющие два слоя кожаного ремня Медоуза, и разделил его надвое. Снова ничего. За спиной он опять услышал голос Салазара:

– Вес селезенки сто девяносто граммов. Оболочка неповрежденная, слегка сморщенная, паренхима бледно-пурпурного цвета, трабекулярная.

Босх слышал все это прежде уже сотни раз. Большая часть того, что наговаривал патологоанатом на свой магнитофон, было для стоящего рядом детектива пустым звуком. Он ожидал итога, практических выводов. Что послужило причиной смерти человека, который лежал сейчас на холодном железном столе? Кто ее вызвал? Как?

– Желчный пузырь имеет тонкую стенку, – продолжал между тем Салазар. – Он содержит несколько кубических сантиметров зеленоватой желчи, без камней.

Босх засунул одежду обратно в пластиковый мешок и запечатал его. Потом он вывалил из другого пластикового мешка кожаные туфли, которые были на Медоузе. Он увидел, как из туфель высыпается красновато-оранжевая пыль. Еще одно подтверждение того, что тело втащили в трубу. Каблуки скребли по засохшей грязи на днище трубы, отчего в туфли набилась пыль.

Салазар между тем произнес:

– Оболочка мочевого пузыря не повреждена, внутри содержится две унции бледно-желтой мочи. Наружные гениталии и вагина обыкновенные.

Босх удивленно обернулся. Рука Салазара лежала на микрофоне. Он сказал:

– Коронерский юмор. Просто хотел проверить, Гарри, слушаешь ли ты. Может, в один прекрасный день тебе придется свидетельствовать в суде по этому поводу. Чтобы подкрепить мои показания.

– Сомневаюсь, – отозвался Босх. – Они не любят допытывать присяжных такой скупищей.

Салазар взялся за маленькую циркулярную пилу, которая применялась для вскрытия черепной коробки. Звук она производила наподобие бормашины. Босх снова занялся туфлями. Они были начищены и ухожены. Резиновые подошвы демонстрировали только легкую изношенность. В одном из глубоких желобков правой подошвы застрял белый камешек. Босх поддел его скальпелем и вытащил. Это был маленький кусочек цемента. Он подумал о белой пыли на коврике стенного шкафа в квартире Медоуза. Он спросил себя, не совпадает ли белая пыль или кусок цемента из желобка подошвы с тем бетоном, который защищал подвальное хранилище Уэстлендского банка. Но если за башмаками так хорошо ухаживали, мог ли кусок цемента пробыть в бороздке девять месяцев, миновавшие со времени проникновения в хранилище? Это представлялось неправдоподобным. Возможно, он был следствием работы Медоуза на строительстве метро? Если только он и впрямь там работал. Босх опустил кусочек цемента в маленький пластиковый конверт и сунул в карман, к другим уликам, накопившимся за день.

– Обследование содержимого черепной коробки не выявляет никаких травм, скрытых болезней или врожденных аномалий, – продолжал Салазар. – Гарри, теперь я собираюсь заняться пальцем.

Босх положил туфли обратно в пластиковый мешок и вернулся к анатомическому столу, а тем временем Салазар спроецировал рентгеновское изображение левой руки Медоуза на экран на стене.

– Видишь эти фрагменты сломанной кости? – сказал он, указывая на маленькие отчетливые белые пятна на негативе. Около сломанного сустава таких было три. – Если бы это был старый перелом, они бы с течением времени переместились к суставу. Рентген не показывает приметного рубцевания, но я все-таки собираюсь взглянуть.

Он подошел к телу и скальпелем произвел Т-образный надрез на коже поверх пальцевого сустава. Затем отвернул кожу и вгрызся скальпелем в розовую плоть, приговаривая:

– Нет... нет... ничего. Это посмертный перелом, Гарри. Ты думаешь, это мог сделать по неосторожности кто-то из моих людей?

– Я не знаю, – ответил Босх. – Непохоже. Сакаи сказал, он и его помощник делали все аккуратно. Я только знаю, что я этого не делал. Как случилось, что на коже нет повреждений?

– Это интересный момент. Не знаю. Каким-то образом палец оказался сломан без повреждения наружной поверхности. Я не могу ответить на этот вопрос. Но добиться этого не так уж трудно. Просто возьми за палец и дерни вниз. При условии, что у тебя хватит на это хладнокровия. Вот так, например.

Салазар обошел вокруг стола, поднял правую руку Медоуза и рванул палец назад.

– Труднее, чем я думал, – сказал он. – Пожалуй, по пальцу ударили каким-нибудь тупым предметом. Таким, который не произвел внешнего повреждения.

Когда пятнадцать минут спустя вошел Сакаи с препаратами, вскрытие было окончено и Салазар с помощью толстого навощенного шпателя зашивал грудную клетку Медоуза. Затем воспользовался свисающим сверху шлангом, чтобы смыть с тела всевозможные обрезки и обмыть волосы. Сакаи веревкой связал ноги трупа, а руки примотал к туловищу, чтобы воспрепятствовать изменению их положения в ходе различных стадий окоченения. Босх заметил, что веревка пересекла татуировку Медоуза прямо поперек крысиной шеи.

Большим и указательным пальцем Салазар закрыл Медоузу глаза.

– Отвези его в холодильник, – сказал он помощнику. Затем продолжал, обращаясь к Босху: – Давай взглянем на срезы. Мне показалось странным, что отверстие больше, чем от обычного шприца наркомана, а местонахождение на груди необычно. Имеется только небольшое кровоизлияние. Но рана не покрылась струпьями. Так что мы говорим о том, что произошло совсем незадолго до смерти или даже во время наступления смерти. Быть может, о причине смерти, Гарри.

Салазар отнес препараты к микроскопу, который находился на стойке вроде кухонной в дальней части комнаты. Он выбрал один и положил на предметное стекло. Наклонился, чтобы взглянуть, и спустя полминуты произнес:

– Интересно.

Затем он бегло осмотрел другие срезы. Когда закончил, то вернул на предметное стекло первый препарат.

– Что ж, говоря вкратце, я удалил квадратный кусочек ткани размером дюйм на дюйм из области грудной клетки – там, где располагался этот прокол. Я сделал надрез на глубину примерно полтора дюйма. Препарат представляет собой вертикальное рассечение образца, на котором можно видеть след от отверстия. Ты следишь за моей мыслью?

Босх кивнул.

– Хорошо. Это что-то вроде того, как, взрезав яблоко, обнажить след от движения червяка. На срезе хорошо видны траектория прокола и прочие недавние воздействия или повреждения. Взгляни-ка.

Босх склонился над окуляром микроскопа. На срезе был виден прямой прокол около дюйма глубиной, проходящий сквозь кожу и внутрь мышцы и сужающийся, как след от шприца. Вокруг конечной точки проникновения розовый цвет мышцы сменился на темно-коричневый.

– Что это означает? – спросил он.

– Это означает, – отвечал Салазар, – что прокол прошел через кожу, через фасцию – я имею в виду волокнистый слой жира, – а затем прямо в грудную мышцу. Ты замечаешь потемнение мышцы вокруг прокола?

– Да, замечаю.

– Гарри, это потому, что мышца здесь обожжена.

Босх оторвался от микроскопа и посмотрел на Салазара. Ему почудилось, что под защитной маской патологоанатома он улавливает тонкую, едва заметную усмешку.

– Обожжена?

– Электрошокером, – сказал Салли. – Ищи такой, который проникает своим копьем-электродом глубоко в ткань. Примерно на полтора-два сантиметра. Хотя в этом случае, по всей видимости, электрод был вручную вдавлен глубже в грудь.

Босх несколько секунд осмысливал услышанное. Выйти на след электрошокера будет практически невозможно. В комнату снова вошел Сакаи и, привалившись к стойке у двери, стал наблюдать за происходящим. Салли собрал с тележки с инструментами три стеклянных пузырька с кровью и два – с желтоватой жидкостью. А также некую коричневую массу на маленьком стальном противне, в которой Босх по опыту, приобретенному в этой же комнате, узнал печень.

– Ларри, вот образцы для токсикологов, – сказал Салазар.

Сакаи забрал их и снова исчез из комнаты.

– Вы говорите о пытке – пытке электрошокером? – уточнил Босх.

– Я бы сказал, так оно выглядит, – сказал Салазар. – Этого было недостаточно для того, чтобы его убить, – повреждение слишком маленькое. Но возможно, достаточно для того, чтобы получить от него какую-то информацию. Электрический разряд может быть очень убедительным аргументом. Полагаю, тому существует масса подтверждений. У этого метода богатая история. Человек с электродом в груди может, вероятно, почувствовать, как электрический ток проникает прямо в сердце. Это должно было вызвать паралич. Ему неизбежно пришлось рассказать все, что требовалось, а потом оставалось только молча взирать, как они вкатывают ему смертельную дозу героина.

– Можем мы доказать что-либо из этого?

Салазар опустил взгляд на вымощенный плиткой пол, поднес палец к маске и поверх нее поскреб губу. Босху до смерти хотелось курить. Он пробыл в прозекторской уже около двух часов.

– Доказать что-либо из этого? – повторил Салазар. – Не медицинским способом. Результаты токсикологических анализов будут готовы через неделю. Приведу в качестве довода: в заключении токсикологической лаборатории будет сказано, что он умер от передозировки. Как мы докажем, что кто-то другой впрыснул ему это в руку, а не он сам? С точки зрения медицины мы не можем этого сделать. Но мы можем показать, что в момент смерти или непосредственно перед этим имело место травматическое воздействие на тело в форме электрического шока. Его пытали. Имеется также посмертное, неустановленной природы повреждение указательного пальца левой руки. – Салли снова потер лицо через маску и заключил: – Я мог бы засвидетельствовать, что это было убийство. Совокупность медицинских показаний говорит о смерти, причиненной третьими лицами. Но на данный момент оснований нет. Подождем завершения токсикологической экспертизы, а затем вновь объединим наши мозговые усилия.

Босх конспективно занес в записную книжку сказанное Салазаром. Ему предстояло включить это в свои собственные отчеты.

– Конечно, – добавил Салли, – как убедить в этом с достаточной бесспорностью жюри присяжных – это другой вопрос. Смеею высказать предположение, Гарри: тебе придется найти этот braslet и выяснить, почему ради него человека пытали, а затем убили.

Босх закрыл записную книжку и принялся стягивать с себя защитный балахон.

Заходящее солнце окрасило небо в сочные розовые и оранжевые тона – такие же яркие, как и купальные костюмы порхавших в волнах любителей серфинга. Красивый обман, думал Босх, ведя машину по Голливудской автостраде в северном направлении, к дому. Здешние

закаты имели обыкновение проделывать такие штучки. Заставляли человека забыть о том, что именно ядовитый смог делал их краски такими праздничными, что за каждой красивой картинкой мог крыться неприглядный сюжет.

Солнце висело в окне машины, словно пылающий в небе медный шар. Босх настроил радио на джазовую станцию, и Колтрейн заиграл «Soul Eyes». Рядом с Гарри на сиденье лежала папка с газетными вырезками от Бреммера. Папку прижимала к сиденью упаковка из шести бутылок пива «Хенриз». Босх съехал с шоссе на бульвар Барэм, а потом по Вудро-Вильсон-драйв стал взбираться в горы, возвышающиеся над Студио-Сити. Его дом с одной спальней представлял собой бунгало в виде консоли, с деревянным каркасом – немногим больше, чем какой-нибудь гараж в Беверли-Хиллз. Он нависал над склоном горы, поддерживаясь посередине тремя стальными опорами на манер ходуль. В плане землетрясений это было страшноватое место – решишь мать-природа повывергивать эти ходули и, словно санки, толкнуть домик вниз с горы. Но открывающийся отсюда вид стоил такого риска. С заднего крыльца Босх мог смотреть далеко на северо-восток, через Бербанк и Глендейл. Он мог видеть лиловые горы за пригородами Пасаденой и Альтаденей. Иногда ему были видны дымные тени и оранжевое пламя лесных пожаров в горах. Ночью шум автострады внизу стихал, и небо бороздили прожекторы Универсал-Сити. Когда Босх смотрел отсюда на Долину, у него всегда возникало ощущение силы и могущества, которое он и сам не мог бы себе объяснить. Но он знал, что это было одной из причин – даже главной причиной – того, что он купил этот дом и не желал бы никогда отсюда уезжать.

Босх купил домик восемь лет назад, когда эту местность еще не охватил застройочный бум, и первый взнос составил пятьдесят тысяч с последующей ежемесячной выплатой в тысячу четыреста, что он легко мог себе позволить, потому что единственное, на что тратил деньги, были еда, выпивка и джаз.

Деньги на первый взнос пришли со студии, которая заплатила их за право использовать его имя в телевизионном мини-сериале, сюжет которого был основан на реальном уголовном деле – цепочке убийств владелиц салонов красоты в Лос-Анджелесе. Роли Босха и его напарника-детектива играли два средней руки телеактера. Напарник забрал свои пятьдесят кусков и свою пенсию и переехал в Энсеняду. Босх вложил свое вознаграждение в покупку дома, насчет которого был не уверен, что тот переживет ближайшее землетрясение. Но зато это позволяло ему ощущать себя царем горы.

Несмотря на решение Босха никогда не переезжать, Джерри Эдгар, нынешний его партнер и по совместительству агент по продаже недвижимости, сообщил ему, что теперь его дом стоит втрое против того, что он за него заплатил. Всякий раз, как возникала тема недвижимости, что бывало часто, Эдгар советовал Босху с выгодой перепродать свое жилье. Эдгара интересовала только преysкурантная стоимость. Босху хотелось лишь оставаться там, где он есть.

К тому времени, как он достиг своего дома на склоне холма, уже стемнело. Первую бутылку пива Гарри выпил, стоя на заднем крыльце, глядя вниз, на одевшее город покрывало огней. Вторую – сидя в своем сторожевом кресле и держа перед собой на коленях закрытую папку. Он целый день не ел, и пиво быстро его забрало. Он чувствовал вялую сонливость и вместе с тем нервное возбуждение, а тело говорило, что требует пищи. Он встал и пошел в кухню, где сделал себе бутерброд с индейкой, с которым затем вернулся обратно в кресло, прихватив еще и третью бутылку пива.

Закончив есть, он стряхнул с папки крошки и раскрыл ее. По поводу ограбления Уэстлендского банка в «Таймс» имелось четыре сообщения. Он прочел их в порядке опубликования. Первое представляло собой краткую заметку, промелькнувшую на третьей странице раздела городских новостей. Информация, очевидно, была собрана в тот вторник, когда обнаружилась кража со взломом. В тот момент, когда Управление полиции Лос-Анджелеса и ФБР

не были чрезмерно заинтересованы разговаривать с прессой и ставить публику в известность о произошедшем.

ВЛАСТИ РАССЛЕДУЮТ ОГРАБЛЕНИЕ БАНКА

Как сообщили во вторник власти, во время трехдневного праздничного уик-энда из расположенного в центре города Уэстлендского национального банка было похищено неустановленное количество принадлежавших клиентам ценностей.

По словам специального агента ФБР Джона Рурка, преступление, которое ныне расследуют ФБР и УПЛА, открылось во вторник, когда менеджеры банка, расположенного на углу Хилл-стрит и Шестой авеню, придя на службу, обнаружили, что подвальное хранилище ограблено.

По словам Рурка, полную оценку утраченного клиентами имущества еще предстоит произвести. Но, как утверждают источники, близкие к следствию, стоимость похищенных из банковского депозитария ювелирных изделий и других ценностей составляет сумму, превышающую миллион.

Рурк также отказался ответить, как именно взломщики проникли в хранилище, однако сказал, что система сигнализации была не совсем в порядке. Он отказался развивать свою мысль.

Представитель Уэстлендского банка, отвечающий за связи с общественностью, отказался во вторник обсуждать кражу. Власти сообщают, что пока нет ни арестованных, ни подозреваемых.

Босх занес в записную книжку имя «Джон Рурк» и перешел к следующей газетной сводке, которая была много длиннее. Она была напечатана на следующий день и проходила через всю первую страницу раздела городских новостей. Она имела заголовок в две строки и сопровождалась фотоснимком мужчины и женщины, которые стояли в подвальном банковском хранилище, глядя на отверстие в полу размером с канализационный люк. За ними высилась стена сейфовых ячеек. Большая часть маленьких дверей в этой стене была открыта. Заголовок был такой:

ИЗ БАНКА УКРАДЕНО СВЫШЕ 2 МИЛЛИОНОВ. ГРАБИТЕЛИ ВОСПОЛЬЗОВАЛИСЬ ПРАЗДНИЧНЫМИ ДНЯМИ, ЧТОБЫ ПРОНИКНУТЬ В ПОДВАЛЬНОЕ ХРАНИЛИЩЕ

Автором публикации был Бреммер.

Сообщение развивало тему первой заметки, добавляя подробности о том, что преступники прорыли лаз приблизительно 150 ярдов длиной от линии городской ливневой канализации, проходящей под Хилл-стрит. Рассказывалось, что, для того чтобы проникнуть через пол подвального хранилища, было применено взрывное устройство. По информации ФБР, взломщики, очевидно, провели в хранилище большую часть уик-энда, вскрывая индивидуальные сейфовые ячейки. Как полагают, входной туннель от системы ливневой канализации до хранилища прокладывался в течение семи-восьми недель, предшествующих ограблению.

Босх сделал себе пометку узнать в ФБР, как был вырыт подземный ход. Если применялось тяжелое оборудование, большинство типов банковских охранных сигнализаций должны были среагировать как на звук, так и на колебания грунта. А кроме того, размышлял Босх, почему сигнализацию не привел в действие сам взрыв?

Затем он стал читать третий газетный материал, напечатанный на следующий день после второго. Этот был написан не Бреммером, хотя также появился на первой странице раздела городских новостей. Приводились показания десятков людей, выстроившихся в очередь перед

зданием банка, чтобы выяснить, не оказались ли их сейфы взломаны и обчищены. Сотрудники ФБР препровождали их в хранилище, а затем брали у них показания. Босх пробежал эту публикацию, вновь и вновь сталкиваясь с одним и тем же: люди были разгневаны или расстроены оттого, что потеряли свое имущество, которое поместили в банковское хранилище, будучи уверены, что там эти вещи будут в большей безопасности, чем дома. Ближе к концу репортажа упоминалась Гарриет Бичем. У нее взяли интервью на выходе из банка, и она рассказала репортеру, что потеряла коллекцию всей своей жизни – ценности, приобретенные во время путешествий по всему миру вместе со своим мужем Гарри. Сообщалось, что во время этого интервью Бичем промокала глаза кружевным носовым платком.

«Я потеряла серьги, которые он купил мне во Франции. Браслет из золота с нефритами из Мексики, – говорила Бичем. – Кто бы они ни были, эти грабители, они украли у меня воспоминания».

Весьма мелодраматично, подумал Босх. Не была ли эта последняя реплика плодом фантазии газетчика?

Четвертая публикация появилась в газете спустя неделю. Написанная Бреммером короткая заметка была похоронена на задворках раздела городских новостей – дальше того места, куда помещали новости Долины. Бреммер сообщал, что расследование кражи в Уэстлендском банке перешло исключительно в ведение ФБР. Управление полиции Лос-Анджелеса первоначально осуществляло поддержку, но так как следствие зашло в тупик, то расследование дела было целиком передано в руки Бюро. В газете вновь приводились слова спецаргента Рурка. Он говорил, что сотрудники Федерального бюро расследований все еще занимаются этим делом, но пока не достигнуто никакого продвижения и не появилось никаких подозреваемых. Ничто из похищенного имущества так и не объявилось.

Босх закрыл папку. Дело было слишком крупным, чтобы Бюро могло просто так сбросить его со счетов, словно обычный банковский налет. Он спрашивал себя, был ли Рурк искренен, говоря, что подозреваемых по делу нет. Он также задавался вопросом, не всплывало ли где-нибудь в ходе расследования имя Медоуза. Два десятка лет назад Медоуз сражался и порой даже жил в подземных лабиринтах под селениями Южного Вьетнама. Как и все «туннельные крысы», он разбирался в работе подрывника. Но то было с целью разрушения туннеля. Взрыв, направленный внутрь. Мог ли он обучиться тому, как взорвать железобетонный пол подземного банковского хранилища? Потом Босх сообразил, что Медоузу вовсе не обязательно было овладевать этим искусством. Он был уверен, что в ограблении Уэстлендского банка участвовало больше одного человека.

Он встал и пошел взять из холодильника еще одну бутылку пива. Но прежде чем отправиться обратно, в сторожевое кресло, сделал крюк в спальню, где из нижнего ящика бюро вытащил старый фотоальбом. Фотографии были не закреплены как положено, а просто засунуты пачками между страницами. Он все собирался разобрать их, но так и не собрался. Он вообще редко открывал альбом. Карточки пожелтели, а по краям приобрели коричневый оттенок. Они были хрупкими – во многом как и вызываемые ими воспоминания. Босх стал поочередно брать в руки каждый снимок и рассматривать. В какой-то момент он начал понимать, что так и не удосужился разложить их именно потому, что ему нравилась возможность подержать каждый снимок в руках, почувствовать его.

Все снимки были сделаны во Вьетнаме. Подобно фото, найденному в квартире Медоуза, эти тоже были в основном черно-белыми. В те времена в Сайгоне было дешевле проявить черно-белую пленку. На некоторых фото присутствовал и Босх, но большей частью то были снимки, которые он сам делал старой «лейкой», подаренной ему перед отъездом приемным отцом. Со стороны старика то был жест примирения. Он не хотел, чтобы Гарри уезжал, и они воевали по этому поводу. Фотоаппарат был подарен и принят в знак примирения. Но Босх был

не из тех, кто по возвращении любил делиться военными воспоминаниями, поэтому фотографии так и остались не разложены и вообще редко вынимались.

Была на снимках одна общая, повторяющаяся из раза в раз тема – улыбающиеся лица и подземные туннели. Почти на каждом были запечатлены солдаты, в дерзких, лихих позах стоящие перед входным отверстием в нору, в которой они, видимо, только что побывали и которую покорили. Непосвященному эти сюжеты показались бы диковинными, быть может даже захватывающими. Но для Босха они были страшными, как попадавшие ему в газетах изображения людей, зажатых в покореженных машинах и ожидающих, когда их вызволят с помощью автогена. Со света божьего в ад крошечный – вот как они называли спуск в лабиринт. Каждая такая вылазка была как черное эхо. Там, внизу, не было ничего, кроме смерти. Но они все равно шли туда.

Босх перевернул потрескавшуюся страницу и наткнулся на глядевшее прямо на него лицо Медоуза. Вне всякого сомнения, этот снимок был сделан через несколько минут после того, который Босх нашел у Билли в квартире. Та же самая группа бойцов. Та же траншея и тот же лаз. Сектор «Эхо», район Ку-Чи. Но Босха на этом групповом портрете не было, потому что он покинул кадр, чтобы сделать снимок. Его «лейка» запечатлела отсутствующий взгляд Медоуза и его пьяную наркотическую усмешку. Бледное восковое, но при этом упругое тело. Фотография сумела ухватить самую сущность Медоуза, подумал Босх. Он вернул снимок на страницу и перешел к следующему. На сей раз в кадре был он сам, и никого больше. Он ясно помнил, как установил камеру на деревянный стол в соломенной хижине, завел таймер и уселся перед объективом. Камера запечатлела его без рубашки, татуировка на сильно загорелом плече освещена падающими из окна лучами солнца. Позади него, но не в фокусе, в застеленном соломой полу хижины, чернел вход в туннель. Туннель являл собой расплывчатую, отвратительную и страшную тьму, похожую на жуткий призрачный рот с картины Эдварда Мунка «Крик».

Глядя на снимок, Босх вспомнил, что это был туннель в селении, которое они называли Тимбук-2. Его последний туннель. На фото он не улыбался. Глубоко запавшие глаза обведены темными кругами. И сейчас, рассматривая фото, Гарри тоже не улыбался. Он держал фотографию обеими руками, рассеянно потирая большими пальцами по краям. Он пялился на фотографию до тех пор, пока усталость и алкоголь не утянули его в сонные воспоминания сродни забытью. Почти в нереальный мир. Босх вспомнил тот последний туннель и вспомнил Билли Медоуза.

Трое солдат отправились в рейд. Только двое из них вернулись обратно.

Туннель был обнаружен во время рутинной зачистки в маленьком селении сектора «Эхо». У селения не было названия, поэтому солдаты нарекли его Тимбук-2. Подземные ходы обнаруживались повсюду, и «крыс» на все не хватало. Когда в одной из хижин под корзиной с рисом был обнаружен вход в лаз, ротный старшина не захотел ждать, пока приземлится отряд с новыми «крысами». Он хотел поднажать, поскорее провести боевую операцию, но знал, что сначала придется проверить туннель. Поэтому старшина принял самостоятельное решение, как и многие другие на этой войне. Он послал троих людей из тех, что находились у него в подчинении. Трех новичков, пробывших в этой стране всего, наверное, месяца полтора, до чертиков перепуганных. Старшина велел им далеко не углубляться, только заложить заряды и выходить обратно. «Сделайте это быстро, и вы прикроете остальных». Трое необстрелянных солдат, послушных долгу, спустились в дыру. Через полчаса обратно вышли только двое.

Двое вернувшихся рассказали, что их троица разделилась. Туннель разветвлялся на несколько коридоров, и они тоже решили расколоться. Они как раз докладывали об этом старшине, когда послышался грохот и из устья туннеля вырвался огромный выхлоп, сопровождаемый шумом, дымом и пылью. Сдетонировала заложенная взрывчатка С-4. Тут вошел лейтенант их боевой группы и объявил, что они не оставят зону, бросив своего бойца. Отряд ждал

весь день, пока улягутся в туннеле дым и пыль, а затем в плане поддержки боевой операции с вертолета были сброшены две «туннельные крысы» – Гарри Босх и Билли Медоуз. «Не имеет значения, жив он или погиб, – сказал им лейтенант. – Вытащите его оттуда. Я не намерен оставлять одного из своих парней в этой дыре. Найдите его и доставьте сюда, чтобы мы могли его пристойно похоронить».

«Мы тоже не любим оставлять там никого из наших», – ответил Медоуз.

После этого Босх и Медоуз спустились в туннель и обнаружили, что главный ход вел к помещению, где стояли корзины с рисом и откуда отходили три других коридора. Два из них были разрушены в результате взрыва. Третий уцелел – тот самый, по которому ушел пропавший солдат. И именно по этому коридору двинулись и они.

Они шли в темноте, изредка пользуясь фонарями. Медоуз был впереди, и так они двигались, пока не достигли тупика. Медоуз потыкал вокруг этого места и в земляном полу обнаружил скрытый люк. Он поддел крышку, и «крысы» перевалились на нижний уровень лабиринта. Медоуз безмолвно указал в одну сторону и пополз туда. Босх знал, что на его долю остается другой коридор. Каждому предстояло с этого момента остаться в одиночестве, если только впереди не поджидали вьетконговцы. Проход, по которому двинулся Босх, представлял собой замысловато выющийся коридор, в котором было тепло, как в бане. Пахло сыростью и немного выгребной ямой. Он учуял запах пропавшего солдата прежде, чем увидел его. Тот, мертвый, сидел посреди туннеля – ноги вытянуты и расставлены, носки ботинок торчат вверх, – прислоненный к опорному столбу. Кусок проволоки, на дюйм врезаюсь в его шею, был обмотан вокруг столба, удерживая тело неподвижно. Опасаясь капкана, Босх не стал его трогать. Он провел лучом фонарика по ране на шее и вниз, по передней части тела, вдоль засохшего кровавого следа. На мертвом была зеленая майка, спереди белой краской было выведено по трафарету его имя. Под кровью на груди можно было разобрать: «Эл Крофтон». В засохшей крови вязли мухи, и у Босха на миг мелькнула мысль: как это они добрались на такую глубину? Он скользнул лучом фонарика вниз, к ногам мертвого солдата, и увидел, что там все было черно от запекшейся крови. Брюки были разодраны, и Крофтон выглядел так, словно его терзал дикий зверь. Глаза Босха начал разъедать заструившийся пот, дыхание сделалось громче и чаще, чем ему бы хотелось. Он тут же осознал это, но понял также и то, что ничего не может с этим поделать. Левая рука Крофтона ладонью вверх лежала на земле. Босх посветил туда и увидел на ней кровавую кучку, в которой опознал половой орган. Он подавил сильнейший рвотный позыв и закрыл рот руками. Это не помогало. Он терял контроль над собой. Он проигрывал. Ему было двадцать лет, и он испугался. Стены туннеля начали давить и наваливаться. Босх откатился от тела, выронив фонарь, луч которого так и остался нацелен на Крофтона. Он пнул ногой земляную стену туннеля и скрючился в позе эмбриона. Пот, заливавший его глаза, сменился слезами. Вскоре все тело Босха начали раздирать рыдания, и казалось, что шум эхом разносится в темноте во всех направлениях – напрямик туда, где сидел и поджидал вьетконговец. Прямиком в ад.

Часть II

Понедельник, 21 мая

Босх проснулся в своем сторожевом кресле около четырех утра. Засыпая, он оставил раздвижную стеклянную дверь на крыльцо открытой, и теперь ветры с Санта-Аны трепали занавески, которые, вздуваясь, парили над комнатой подобно неким призракам. От теплого ветра и тяжелых видений он вспотел во сне. Затем тот же ветер высушил влагу на теле, которая засохла, будто соляная корка. Босх вышел на крыльцо и, облокотившись на деревянное ограждение, стал смотреть вниз, на огни Долины. Прожекторы Универсал-Сити давно погасли, и со стороны идущей через перевал автостреды не слышался шум движения. Откуда-то издалека, возможно из Глендейла, донесся рокочущий звук вертолета. Босх поискал глазами и увидел движущийся далеко в низине красный свет. Он не кружил, и не было луча прожектора. Это был не полицейский вертолет. Затем Гарри показалось, что он улавливает легкий, но отчетливо горький запах малатиона.

Он вернулся в дом и задвинул стеклянную дверь. Подумал было о постели, но понял, что в эту ночь больше не уснет. С Босхом такое бывало нередко. Сон приходил рано, но длился недолго. Или не приходил до самого рассвета, пока выплывающее солнце не начинало мягко окрашивать подернутые утренним туманом вершины гор.

В свое время Гарри лежал в клинике при Министерстве по делам ветеранов, в Сепульведе, лечился по поводу расстройства сна. Но психиатры не смогли ему помочь. Они сказали, что он не может выйти из цикла. Что его мучительные сны будут переходить в длительные, подобные трансу периоды глубокого забытья. За этим будут следовать месяцы бессонницы, когда разум дает защитную реакцию на те ужасы, которые поджидают во сне. Днем ваш разум, сказал врач, подавляет те страхи и тревоги, которые вы испытываете по поводу пережитого на войне. Прежде чем перейти к спокойному сну, вы должны утихомирить эти чувства в часы бодрствования. Невозможно заклеить раненую душу лейкопластырем.

Гарри принял душ и побрился, потом некоторое время внимательно смотрел на свое лицо в зеркале, думая о том, как немилосердно оказалось время к Билли Медоузу. Волосы Босха начинали седеть, но они были густыми и кудрявыми. Если не считать темных кругов под глазами, лицо было гладким и по-мужски привлекательным. Он стер с лица остатки крема для бритья и надел бежевый летний костюм с голубой рубашкой. На крючке в шкафу он нашел довольно чистый и немятый галстук – красновато-коричневый, с рисунком в виде маленьких гладиаторских шлемов. Он закрепил его с помощью серебряного зажима, прицепил к поясу пистолет и вышел в предрассветный сумрак. Он поехал к центру, чтобы съесть омлет, тосты и выпить кофе в кафетерии «Пэнтри» на Фигероа-стрит. Заведение было открыто двадцать четыре часа в сутки еще со времен, предшествовавших Великой депрессии. Вывеска хвастливо заявляла, что заведение с тех пор не провело ни одной минуты без клиента. Сидя за стойкой, Босх обвел глазами зал и увидел, что в данный момент он в одиночку вытягивает этот рекорд на своих плечах. Иными словами, он был здесь единственным посетителем.

Кофе и сигареты подготовили Босха к трудностям грядущего дня. После этого по Голливудской автострэде он двинулся из центра обратно, проезжая мимо застывшего моря из встречных машин, уже борющихся за то, чтобы попасть в центр города.

Голливудское отделение полиции находилось на Уилкокс-авеню, всего в паре кварталов к югу от Голливудского бульвара, поставлявшего местным копам бóльшую часть их работы. Он припарковался с парадного входа, потому что собирался заскочить лишь ненадолго и не хотел в час смены дежурства оказаться зажатым на стоянке позади здания. Проходя через маленький вестибюль, он увидел женщину с подбитым глазом, которая плача заполняла заявление под руководством офицера за конторкой. Но в находящемся за поворотом детективном

отделе было тихо. Должно быть, ночной дежурный был на вызове или же спал в так называемом номере для новобранцев, чулане на втором этаже, где имелись две койки – кто подсушился, тот и занял. Извечные гул и суматоха, царящие в детективном отделе, на время сменились мертвой тишиной. В помещении никого не было, подлинники столы, закрепленные за отдельными видами уголовных преступлений: кражами со взломом, ДТП, правонарушениями несовершеннолетних, грабежами, убийствами, – все были завалены бумагами. Сыщики могли находиться в помещении или за его пределами – бумажный вал оставался всегда.

Босх прошел вглубь комнаты, чтобы сварить кофе. При этом заглянул через дверь в дальнем конце, выходящую в задний коридор. Там размещались камеры предварительного заключения и просто скамейки для задержанных. В коридоре, на полпути к КПЗ, сидел белый парень с прической из косичек, прикованный наручниками к скамье. Несовершеннолетний правонарушитель – лет семнадцати, не больше, прикинул Босх. По калифорнийским законам не полагалось содержать их в настоящих арестантских камерах, вместе со взрослыми. Что было примерно то же, как если бы сказать: для койотов опасно находиться в одной клетке с доберманами.

– Чего глазеешь, козел? – выкрикнул издали парень.

Босх ничего не ответил и высыпал пакет кофе в бумажный фильтр.

Из кабинета дежурного офицера в дальнем конце коридора высунулась голова полицейского в форме.

– Я тебе сказал! – крикнул юнцу полицейский. – Еще звук – и я затяну наручники на метку ту же. Через полчаса твои руки занемеют. Как будешь тогда подтирать задницу в сортире?

– О твою харю придется!

Полицейский шагнул в коридор и, топя тяжелыми черными ботинками, угрожающими шагами двинулся к парню. Босх сунул сделанный в форме чаши фильтр в кофеварку и запустил аппарат. Отошел от задней двери и подошел к столу секции убийств. Ему не хотелось видеть, что происходит с парнем. Он вытащил свой стул из-за стола и подтащил к одной из стоявших в отделе пишущих машинок. Образцы и бланки находились в узких гнездах на полке над кофеваркой. Он вставил в пишущую машинку бланк, предназначенный для занесения результатов осмотра места преступления. Затем достал из кармана записную книжку и раскрыл на первой странице.

Два часа непрерывного щелканья по клавишам и курения с одновременным поглощением скверного кофе – и Босх наконец завершил заполнение несметного числа форм, которые неизбежно сопровождают расследование дела об убийстве. Потом поднялся и размножил их на ксероксе, стоявшем в заднем коридоре. При этом отметил, что парня, который сидел, прикованный к арестантской скамейке, там уже нет. Затем, открыв при помощи своей идентификационной карточки шкаф с канцелярскими принадлежностями, достал оттуда новый синий скоросшиватель и нацепил на три его колечка один комплект отпечатанных отчетов. Другой комплект спрятал в старый скоросшиватель, который держал в своем картотечном ящике и на котором был ярлык с названием одного старого нераскрытого дела. Когда со всем этим было покончено, Босх перечитал написанное. Ему понравилась та стройность и упорядоченность, которую придавало делу надлежащее изложение на бумаге. По опыту многих предыдущих расследований он взял себе за правило каждое утро перечитывать рабочий журнал. Это помогало выстраивать гипотезы. Запах нового пластикового скоросшивателя напомнил Босху о других делах и вызвал прилив воодушевления. Он снова почувствовал себя охотником. Отчеты, которые он напечатал и поместил в папку, были, однако, неполны. В «Хронологический отчет следователя по делу» он не внес несколько моментов из второй половины своего вчерашнего рабочего дня. Детектив не стал включать туда выявленную им связь между Медоузом и ограблением Уэстлендского банка. Он также опустил описание своих визитов в ломбард и в «Таймс», к Бреммеру. Соответственно отсутствовали и беседы с ними. Был только понедельник, второй день следствия. Босх не хотел включать эту информацию в официальный отчет до тех пор,

пока не побывает в ФБР. Сперва он хотел как следует уяснить, что происходит. Это была мера предосторожности, которую Босх принимал в каждом деле. Он покинул свой отдел прежде, чем кто-либо из других детективов успел явиться на работу.

К девяти часам Босх уже приехал в Вествуд и находился на семнадцатом этаже Федерал-билдинг на бульваре Уилшир. Приемная ФБР была аскетически суровой: извечные крытые пластиком диваны, исцарапанная столешница кофейного столика «под дерево» с набором старых экземпляров бюллетеня ФБР. Босх не озаботился тем, чтобы присесть или почитать. Он стоял перед огромными, от пола до потолка, окнами и сквозь белоснежные занавеси любовался открывающимся видом. Можно было обозреть панораму от Тихого океана на восток, вдоль линии гор Санта-Моника, и далее – до Голливуда. Занавеси были чем-то вроде слоя тумана поверх смога. Почти уткнувшись носом в мягкую газовую ткань, Босх смотрел вниз, через Уилшир, на кладбище ветеранов. Одинаковые белые надгробия торчали из ухоженной лужайки, как ровный ряд детских зубов. Неподалеку от входа проходили похороны, вытянулся по стойке смирно почетный караул в парадной форме. Но скорбящих на церемонии было немного. Дальше, к северу, на склоне холма, где не было надгробий, Босх увидел, как несколько рабочих переворачивают дерн и мотыгами вскапывают длинный клин земли. Он время от времени возвращался взглядом туда, наблюдая, как идут у них дела, но при этом так и не смог разобраться, чем они занимаются. Расчищаемый участок земли был слишком длинен и широк для могилы.

К половине одиннадцатого похороны бывшего солдата закончились, но кладбищенские рабочие все продолжали вкалывать на холме. А Босх все еще ждал у занавесей. Наконец за спиной раздался женский голос:

– Эти могилы... Такие ровные, аккуратные ряды... Я стараюсь никогда не смотреть в это окно.

Босх обернулся. Женщина была высокая и гибкая, с волнистыми каштановыми волосами примерно до плеч, с вкраплением обесцвеченных светлых прядей. Приятный загар и мало косметики. Она выглядела крепким орешком. Пожалуй, немного уставшей для столь раннего времени суток – вид, характерный для женщин-полицейских и проституток. На ней был коричневый деловой костюм и белая блузка с шоколадно-коричневым галстуком в виде строгого узкого банта. Он заметил несимметричный изгиб ее бедер под жакетом. На левом боку она носила какой-то маленький предмет, возможно «ругер», что было необычно. Босху всегда попадались женщины-детективы, которые носили оружие в сумочках.

– Это кладбище ветеранов, – сообщила она.

– Я знаю.

Босх улыбнулся, но не этим словам. Просто он ожидал, что специальный агент Э. Д. Уиш окажется мужчиной. К такому ожиданию не было никаких иных причин, кроме того, что большинство агентов ФБР, прикомандированных к расследованию банковских ограблений, были мужчинами. Женщины были частью новейшего имиджа Бюро, и их не часто можно было встретить в оперативных группах. Последние представляли собой людские сообщества, составленные в значительной степени из так называемых динозавров – людей старой закалки, ныне морально устаревших, – и отпетых парней-изгоев. Словом, из таких людей, которые не могли или не хотели вписываться в новый профиль ФБР. Современное Бюро помешалось на борьбе с аферами в сфере крупного бизнеса, шпионажем и наркотиками. Времена федерального агента Мелвина Пёрвиса¹³ почти что канули в Лету. Ограбление банка больше не являлось чем-то экстраординарным. Большинство банковских грабителей ныне не были профессиональными

¹³ Мелвин Пёрвис – знаменитый агент ФБР, выследивший и отдавший в руки правосудия нескольких крупнейших гангстеров.

ворами. То были наркоманы в поисках поживы, которая помогла бы им продержаться недельку. Конечно, кража из банка по-прежнему оставалась в федеральной юрисдикции. Но это была единственная причина, почему Бюро об этом еще беспокоилось.

– Конечно, – сказала она. – Вам положено это знать. Чем могу быть полезна, детектив Босх? Я агент Уиш.

Они обменялись рукопожатием. Уиш не сделала никакого движения к двери, из которой только что вышла, но та за ней закрылась, и замок защелкнулся. Босх помедлил секунду, а затем сказал:

– Что ж, я дожидаюсь все утро, чтобы вас повидать. Это касается банковского ограбления... Одного из тех дел, которыми вы занимаетесь.

– Да, я знаю, вы так и сказали в приемной. Извините, что заставила вас ждать, но мы заранее не договаривались, и у меня было неотложное дело. Было бы лучше, если бы вы сначала позвонили.

Босх понимающе кивнул, выражая полное согласие, но по-прежнему с ее стороны не последовало приглашения войти. Не срабатывает, подумал он.

– У вас там, за дверью, есть кофе? – спросил он.

– Э-э... мм... да, думаю, есть. Но не могли бы мы поскорее все закончить? У меня действительно важные дела.

«А у кого нет?» – подумал Босх.

С помощью электронной карточки она отперла дверь, открыла и учтиво придержала для него. Внутри она повела его по коридору, где у дверей на стене были прикреплены пластиковые таблички. Бюро не имело такого же пристрастия к говорящим аббревиатурам, как полицейское управление. На табличках значилось: «Группа 1», «Группа 2» и так далее. Пока они шагали, Босх пытался идентифицировать акцент Уиш. Она произносила звуки слегка в нос, но не так, как это делают в Нью-Йорке. Филадельфия, решил он. Возможно, Нью-Джерси. Выговор явно не южно-калифорнийский, пусть даже он и сопровождается таким загаром.

– Вам кофе черный? – спросила она.

– С сахаром и сливками, пожалуйста.

Она толкнула дверь и вошла в комнату, которая была обставлена, как кухня. Здесь были кухонная стойка и шкафчики, кофеварка на четыре чашки, микроволновка и холодильник. Здешнее заведение напомнило Босху адвокатские конторы, в которых он бывал, чтобы давать письменные показания под присягой. Красиво, аккуратно, дорого. Она протянула ему пластиковую чашку с черным кофе и предложила добавить в него сливок, если у него есть. У нее таковых не имеется. Если это призвано было послужить сигналом к тому, чтобы он ощутил неловкость, то сигнал достиг цели. Босх почувствовал себя надоедой, а отнюдь не добрым вестником. Помехой в большой игре важных людей. Он последовал за ней обратно в коридор, и они вошли в следующую дверь, на которой была надпись «Группа 3». Здесь размещалось подразделение по борьбе с банковскими ограблениями. Комната была размером примерно с магазинчик, работающий допоздна. Это было первое рабочее помещение опергруппы ФБР, которое Босх видел в своей жизни, и сравнение с его собственным рабочим местом было нерадостным. Мебель здесь была новее, чем в любом подразделении лос-анджелесской полиции. Здесь имелся ковер на полу и почти на каждом письменном столе стояли пишущая машинка или компьютер. В комнате было три ряда столов по три в каждом, и все они, кроме одного, были пусты. За первым столом в среднем ряду сидел мужчина в сером костюме, держа у уха телефонную трубку. Он не поднял глаз при появлении Босха и Уиш.

Если не считать фонового шума от устройства громкой связи на картотечном шкафчике в глубине комнаты, помещение могло бы сойти за риелторскую контору.

Уиш опустилась на стул за первым столом в первом ряду и жестом пригласила Босха присесть сбоку. Таким образом, он оказался прямо между Уиш и Серым Костюмом на телефоне.

Босх поставил чашку с кофе на стол и с ходу понял, что Серый Костюм только притворяется, что разговаривает по телефону, хотя и повторяет каждую секунду: «Угу... угу...» или «Мм... э-э...». Уиш выдвинула ящик, достала оттуда пластиковую бутылку с водой и отлила немного в бумажный стаканчик.

– У нас было ограбление в ссудно-сберегательном банке в Санта-Монике, почти все наши на выезде, – пояснила она, заметив, как он обводит глазами пустую комнату. – А я отсюда осуществляла координацию. Вот почему вам пришлось подождать в приемной. Извините.

– Ничего страшного. Взяли его?

– Почему вы думаете, что это именно «он»?

Босх пожал плечами:

– Статистика.

– Что ж, вообще-то, их было двое: он и она. Да, мы их взяли. Вчерашнее ограбление в Реседе. Женщина вошла в банк и занималась делом непосредственно. Мужчина ждал с машиной. По десятому и четыреста пятому шоссе они добрались до международного аэропорта Лос-Анджелеса. Там оставили машину перед небоскребом на Юнайтед, поднялись по эскалатору на этаж для прибывающих, сели на пригородный автобус до аэровокзала Флайэвэй в Ван-Найсе, а затем на такси вернулись обратно. До Виниса. До тамошнего банка. По нашей просьбе всю дорогу за ними следовал вертолет полиции Лос-Анджелеса. Но те двое даже ни разу не посмотрели вверх. Когда женщина вошла во второй банк, мы поспешили ее взять, пока она еще стояла в очереди к кассиру. А его захватили на автопарковке. Оказалось, что она собиралась просто положить в банк добычу из первого банка. Так сказать, межбанковский перевод, только нетрадиционным способом. Видите, что за болваны действуют в этом бизнесе, детектив Босх? Итак, чем могу вам помочь?

– Можете называть меня Гарри.

– Но что при этом я должна для вас делать?

– Межведомственное сотрудничество, – ответил он. – Примерно как сегодня утром между вами и нашим вертолетом. – Босх отпил кофе и сказал: – Ваше имя указано в бюллетене, в разделе нераскрытых преступлений, на который я вчера наткнулся. Дело годичной давности, ограбление банка в деловой части города. Оно меня интересует. Я работаю в секции убийств в Голливудском от...

– Да, я знаю, – перебила его агент Уиш.

– ...делении.

– Дежурный в приемной показал мне вашу карточку. Кстати, отдать вам ее обратно?

Это был дешевый выпад. Он увидел свою непрезентабельного вида визитку на ее чистеньком зеленом рабочем блокноте. Визитная карточка провалялась в его бумажнике не один месяц, уголки обтрепались и завернулись. Это была одна из стандартных карточек, которые их департамент выдавал своим детективам. На ней был вытиснен полицейский значок и телефон Голливудского отделения, но не было имени. Вы могли купить себе штемпельную подушечку, заказать печать и в начале каждой недели, сидя на своем рабочем месте, штамповать по паре десятков таких карточек со своим именем. Или могли просто ручкой написать свое имя на линейке и поменьше раздавать их. Босх предпочел второе. Уже ничто из того, что делалось его родным ведомством, больше не могло поставить его в неловкое положение.

– Нет, можете оставить у себя. Кстати, а у вас есть аналогичная вещь?

Быстрым, нетерпеливым движением она открыла средний верхний ящик стола, взяла карточку с маленького подноса и выложила на стол возле локтя Босха. Он отхлебнул еще кофе и одновременно скосил глаза на кусочек картона. Буква «Э.» означала «Элинора».

– Ну вот, теперь вы знаете, кто я и откуда, – начал он. – А я кое-что знаю о вас. Например, то, что вы расследуете или расследовали прошлогоднее ограбление, при котором злоумышленники проникли в банк через подземный ход. Подкоп под Уэстлендский национальный банк.

Босх увидел, что при этих словах она оживилась, и ему даже показалось, что Серый Костюм тоже на миг затаил дыхание. Он закинул удочку в нужном месте.

– Ваше имя значится в нескольких бюллетенях. Я расследую убийство, которое, уверен, связано с вашим делом, и хотел бы знать... В двух словах: хотел бы знать, что у вас есть по этому делу... Могли бы мы поговорить о возможных подозреваемых? Может оказаться, что мы ищем одних и тех же людей. Думаю, мой клиент мог бы оказаться одним из ваших грабителей.

Некоторое время Уиш задумчиво молчала, поигрывая карандашом на своем блокноте. Обратным его концом она задумчиво гоняла по зеленому прямоугольнику визитную карточку Босха. Серый Костюм по-прежнему делал вид, что разговаривает по телефону. Гарри посмотрел на него, и их глаза на краткий миг встретились. Он кивнул, и Серый Костюм отвернулся. Босх догадался, что перед ним тот человек, чьи комментарии по делу приводились в газетных сообщениях. Специальный агент Джон Рурк.

– Вы могли бы придумать что-нибудь и получше, не правда ли, детектив Босх? – произнесла наконец Уиш. – Я имею в виду, что вы вот так запросто приходите сюда, размахиваете флагом сотрудничества и ждете, что я прямо сразу открою вам наши досье. – Она трижды постучала карандашом по столу и покачала головой, словно укоряя нашалившего ребенка. – Может быть, вы назовете имя? – сказала она. – Может, представите какое-то подтверждение той связи, о которой говорите? Обычно такого рода запросы мы пропускаем через все официальные инстанции. У нас есть специальные посредники, которые оценивают просьбы от других правоохранительных организаций поделиться нашими материалами и информацией. Вам это известно. Я думаю, лучше всего, если...

Босх вытащил из кармана сложенный бюллетень ФБР с фотоизображением браслета, полученным от страховой компании. Он развернул его и положил на зеленый журнал записей. Потом вынул из другого кармана поляроидный снимок, сделанный в ломбарде, и также бросил на стол.

– Уэстлендский национальный, – произнес он, постучав пальцем по бюллетеню. – Этот самый браслет полтора месяца назад был заложен в ломбард в центральной части города. А заложил его мой клиент. Сейчас он мертв.

Она не отрывала глаз от поляроидного снимка, и Босх подметил в них узнавание. Значит, ее в достаточной степени занимало это дело.

– Его имя Уильям Медоуз. Был найден вчера утром в трубе на Малхолланд-дэм.

Серый Костюм наконец стал сворачивать свой телефонный монолог:

– Большое спасибо за информацию. Я должен идти, мы сейчас завершаем дело об ограблении. Угу... Спасибо, тебе того же, пока.

Босх не смотрел на него. Он не спускал глаз с Уиш. Ему показалось, он уловил, что она хочет обменяться взглядами с Серым Костюмом. Она метнула взгляд в ту сторону, но затем быстро перевела его обратно на фото. Что-то здесь было не так, и Босх решил пока не болтать лишнего.

– Давайте кроме шуток, агент Уиш. Как я понимаю, вашей группе так и не удалось обнаружить ни единой украденной вещи: ни акции, ни монеты, ни ювелирного изделия, ни золотого браслета с нефритом. У вас нет ничего. Так что бросьте вы эту туфту насчет инстанций и посредников. Я хочу сказать, так мне это видится. Мой парень сдает этот браслет в ломбард, потом оказывается мертвым. Почему? У нас здесь имеются две параллельные линии расследования, вам не кажется? А более вероятно, что это одно и то же расследование.

Его слова не возымели никакого действия.

– Мой покойник либо получил этот браслет от ваших преступников, либо украл у них. Либо, что тоже вероятно, сам был одним из них. Могло быть так, что браслету еще не приспело время объявиться. Больше ведь ничего не объявилось. А этот человек нарушил договоренность и заложил вещь. Поэтому те его прикончили, а потом вломились в ломбард и похитили браслет

снова. Не важно, по какой причине. Вот и выходит, что мы ищем одних и тех же людей. И мне нужна ориентировка, с чего начать.

Некоторое время она молчала, но Босх уловил, что в ней зреет какое-то решение. На этот раз он ждал, когда она его выложит.

– Расскажите мне об этом умершем, – сказала она наконец.

Он рассказал. Про анонимный звонок. Про тело. Про квартиру, которая была кем-то ранее обыскана. О спрятанной за фотографией квитанции. А затем – о своем визите в ломбард, где обнаружилось, что браслет украден. Босх умолчал о том, что прежде знал Медоуза.

– Что-нибудь еще было украдено из ломбарда или только этот браслет? – спросила Уиш, когда он закончил.

– Конечно было, да. Но только для прикрытия. Истинной целью был именно браслет. Как мне кажется, Медоуза и убили из-за этого браслета. Его пытали, прежде чем убить, потому что хотели узнать, куда он его дел. Они узнали, что хотели, убили его, потом пошли и забрали драгоценность из ломбарда. Не возражаете, если я закурю?

– Возражаю. Что может быть такого важного в одном браслете? Этот браслет только капля в море из всего того, что было украдено, но так и не проявилось.

Босх уже думал над этим и не имел ответа.

– Я не знаю, – сказал он.

– Если его пытали, как вы говорите, почему же тогда вы нашли квитанцию? Почему им пришлось взламывать ломбард? Вы предполагаете, что он рассказал им, где находится браслет, но не отдал квитанцию?

Об этом Босх тоже думал.

– Я не знаю. Возможно, он знал, что его не оставят в живых. Поэтому открыл им только часть, а что-то утаил. Это был ключ для следствия. Утаил ломбардную расписку в качестве ключа.

Босх подумал о преступном сценарии. Впервые он начал складывать все воедино, когда перечитывал свои отпечатанные записи и отчеты. Он решил, что настала пора выложить еще одну карту.

– Я был знаком с Медоузом двадцать лет назад.

– Вы знали жертву, детектив Босх? – Она возвысила голос, и в нем слышалось обвинение. – Почему же вы не сказали об этом сразу же, когда пришли сюда? С каких это пор Управление полиции Лос-Анджелеса позволяет своим детективам заниматься расследованием смертей своих друзей?

– Я не сказал, что он мой друг. Я сказал, что знал его. Двадцать лет назад. И я не просил, чтобы мне поручали это дело. Просто наступила моя очередь выезжать на место преступления. Звонок поступил в мое дежурство. Это было просто...

Ему не хотелось произносить слово «совпадение».

– Все это очень интересно, – сказала Уиш. – Но одновременно идет вразрез со всеми нормами и правилами. Мы... я не уверена, что мы сможем вам помочь. Я думаю...

– Послушайте, когда я его знал, он состоял в армии США. Первый пехотный полк во Вьетнаме. Хорошо? Мы оба там были. Он был так называемой туннельной крысой... Вам известно, что это такое?.. Я тоже был таким.

Уиш ничего не ответила. Она опять смотрела на браслет. Босх совершенно позабыл о Сером Костюме.

– У вьетнамцев были под селениями подземные ходы, – сказал Босх. – Некоторым было по сто лет. Эти ходы вели от хижины к хижине, от деревни к деревне, от одних джунглей к другим. Они проходили под некоторыми из наших военных лагерей, повсюду. И нашей задачей – задачей туннельных солдат – было спускаться в эти лабиринты. Это была совершенно особая, подземная война.

Босх вдруг осознал, что, помимо психиатра и группы психологического тренинга при Министерстве по делам ветеранов в Сепульведе, он никогда никому не рассказывал о подземных туннелях и о своей войне.

– А Медоуз, он был очень хорош в своем деле. Он мог спускаться сколько угодно раз в эту черноту только с одним фонариком и пистолетом сорок пятого калибра – да, он это делал. Когда мы ходили в эти туннели, порой это занимало часы, бывало даже – дни. А Медоуз... он был единственным из всех, кого я знал, кто не боялся спускаться под землю. Его скорее пугала жизнь на земле.

Она ничего не сказала. Босх бросил взгляд на Серый Костюм, который теперь писал что-то в желтом блокноте – Босху было не видно, что именно. Он услышал, как кто-то докладывает по громкой связи, что транспортирует двоих задержанных в городскую тюрьму.

– Таким образом, сегодня, через двадцать лет, у вас имеется крупное ограбление банка, совершенное через подземный ход, а у меня – мертвый спец по туннелям. И у него обнаружена драгоценность, похищенная во время вашего ограбления. – Босх пошарил в кармане в поисках сигарет, потом вспомнил, что она запретила ему курить. – Нам надо начинать работать над этим делом вместе. И как можно скорее.

По ее лицу Гарри понял, что его тирада не подействовала. Он допил остатки кофе и приготовился встать и уйти. Он слышал, как Серый Костюм снова поднимает трубку и набирает номер на кнопочном телефоне. Сейчас Босх больше не смотрел на Уиш. Вместо этого он неловко устался на сахарный осадок в чашке. Он терпеть не мог сахар в кофе.

– Детектив Босх, – начала Уиш, – мне жаль, что вам пришлось так долго прождать сегодня в холле. Мне жаль, что этот ваш однопольчанин, Медоуз, мертв. Пусть даже вы были знакомы двадцать лет назад, я все равно сожалею. Я сожалею по поводу того, что вам пришлось пережить вместе... Но я также сожалею, что ничем не могу помочь вам на данный момент. Мне придется действовать согласно принятой процедуре и поговорить сначала с моим начальством. Я свяжусь с вами. При первой возможности. Это все, что я сейчас могу для вас сделать.

Босх бросил пластиковую чашку в мусорную корзину рядом с письменным столом и протянул руку за поляроидным снимком и страницей из бюллетеня.

– Не могли бы вы оставить фото? – спросила агент Уиш. – Мне нужно показать его моему начальнику.

Но Босх забрал снимок. Он встал, шагнул к столу Серого Костюма и несколько секунд подержал снимок у мужчины перед носом.

– Он его увидел, – бросил Гарри через плечо, направляясь к выходу из офиса.

Заместитель начальника управления Ирвин Ирвинг сидел за письменным столом, сжимая и разжимая зубы, играя желваками, которые при этом делались похожими на твердые резиновые шарики. Он был взбудоражен. Впрочем, это сжатие и скрежетание было его привычным занятием – будь он во взбудораженном или, напротив, в тихом, созерцательном настроении. В результате челюстная мускулатура сделалась наиболее ярко выраженной чертой его лица. Если посмотреть анфас, то контур челюсти Ирвинга в ширину заходил дальше линии ушей, которые плотно прилежали к его гладко выбритому черепу, формой при этом напоминая крылья. Все вместе придавало Ирвингу жутковатый, если не противоестественный вид летящей челюсти, которая вдобавок своими мощными коренными зубами может дробить камни. И Ирвинг делал все, что было в его силах, дабы усилить этот образ хищного бродячего пса, который может вонзить зубы в плечо или в ногу и выдрать кусок мяса величиной с футбольный мяч. Потому что этот имидж помогал Ирвину Ирвингу преодолевать единственную помеху в своей карьере лос-анджелесского полицейского – его дурацкое имя и способствовал продвижению к давно намеченной цели: кабинету начальника управления на шестом этаже. Так что Ирвинг

попустительствовал своей эксцентричной привычке, несмотря на то что каждые полтора года приходилось выкладывать две тысячи долларов за новый комплект зубных имплантатов.

Заместитель начальника потуже затянул на шее галстук и провел рукой по своему сияющему черепу. Потом дотянулся до зуммера селектора. Хотя после этого он мог легко нажать кнопку громкоговорителя и пролаять команду, однако дождался ответа своего нового адъютанта. Это была еще одна из его привычек.

– Да, шеф?

Ирвингу нравилось это слышать. Он улыбнулся, потом наклонился вперед, пока его внушительная челюсть не оказалась от селекторного громкоговорителя на расстоянии двух дюймов. Он был из тех, кто не доверяет технике.

– Мэри, принесите мне личное дело Гарри Босха. Оно должно быть в активах. – Он проговорил по буквам имя и фамилию.

– Сию минуту, шеф.

Ирвинг откинулся на спинку, улыбнулся сквозь стиснутые зубы, но потом почувствовал какую-то несообразность и подумал, что, пожалуй, регулировка несколько сбита. Он провел языком по заднему нижнему коренному зубу слева, выискивая на его гладкой поверхности дефект – быть может, небольшую трещинку. Ничего не обнаружив, открыл ящик стола и вытащил оттуда маленькое зеркало. Открыл рот и взгляделся в задние зубы. Потом убрал зеркальце обратно, вынул бледно-голубой блокнот и записал памятку позвонить дантисту, договориться насчет профилактического осмотра. Он задвинул ящик обратно и вспомнил, как он однажды, обедая с членом муниципального совета из Вест-Сайда, резко надкусил печенье с афоризмом на счастье. Нижний задний коренной зуб с правой стороны треснул от черствой выпечки. Хищный бродячий пес предпочел проглотить обломки развалившегося зуба, чем обнаружить свою слабость перед членом совета, чья поддержка ему может однажды очень пригодиться. Дело в том, что во время трапезы он обратил внимание члена муниципального совета на тот факт, что племянник указанного чиновника, работающий водителем в Управлении полиции Лос-Анджелеса, является скрытым гомосексуалистом. Ирвинг упомянул, что он делает все, что в его силах, дабы защитить этого племянника и предотвратить его разоблачение. УПЛА же, объяснил Ирвинг, преисполнено ненависти к голубым не меньше, чем какая-нибудь церковь в Небраске, и если хоть слово просочится в рядовой и сержантский состав, то человек может распрощаться со всякой надеждой на повышение. Кроме того, будет подвергаться грубым притеснениям со стороны прочих традиционно ориентированных служащих. Не было нужды упоминать о неминуемых последствиях публичного скандала. Даже в либеральном Вест-Сайде это не будет способствовать члену муниципального совета в его устремлениях сделаться мэром.

Ирвинг все еще улыбался при этом воспоминании, когда в дверь постучали и в кабинет вошла офицер Мэри Гроссо с дюймовой толщины папкой в руке. Она положила ее на письменный стол Ирвинга со стеклянной столешницей. На его сверкающей поверхности больше не было ничего, даже телефона.

– Вы были правы, шеф. Оно все еще находилось в активах.

Заместитель начальника, ответственный за службу внутренних расследований, подался вперед и сказал:

– Да, я уверен, что не отдавал распоряжения перевести его в архивы, потому что у меня было чувство, что мы еще не получили полного представления о последнем периоде деятельности детектива Босха. Дайте взглянуть... я думаю, этим займутся... Льюис и Кларк. – Он раскрыл папку и прочитал запись условными знаками на внутренней стороне корочек. – Да, Мэри, попросите ко мне Льюиса и Кларка.

– Шеф, я видела их в отделе. Они готовились к заседанию КП. Я не могу сказать точно, по какому делу.

– Что ж, Мэри, им придется отменить Комиссию по правам, и, пожалуйста, не объясняйтесь со мной этими сокращениями. Я обстоятельный, педантичный полицейский. Я не люблю срезать пути. Вам придется это запомнить. А теперь эти Льюис и Кларк... я хочу, чтобы они отложили слушания и предстали передо мной незамедлительно.

Он напряг свои челюстные мышцы; твердые и упругие, они напоминали теннисные мячи в натуральную величину. Гроссо пулей выскочила из кабинета. Ирвинг расслабился и стал листать дело, заново знакомясь с Гарри Босхом. Он отметил военный послужной список Босха и его быстрое продвижение по службе в полицейском департаменте. За восемь лет – от патрульного полицейского до детектива, а затем – до следователя элитного отдела ограблений и убийств. Потом, после взлета, падение: прошлогодний административный перевод из отдела убийств и ограблений детективом в Голливудский участок. Жаль, что не уволили, сокрушался Ирвинг, изучая пункты карьеры Босха в хронологическом порядке.

Покончив с послужным списком, Ирвинг просмотрел экспертный отчет, касающийся психологического портрета Босха. Экспертная оценка была произведена в прошлом году и имела целью вынести заключение, может ли данный полицейский быть допущен обратно к своим обязанностям после убийства невооруженного человека. Психолог полицейского ведомства писал следующее:

«За время своего военного и полицейского опыта, существенным образом подразумевающего упомянутое применение огнестрельного оружия по живым мишеням, субъект в сильной степени сделался бесчувственным к насилию. В продолжение всей жизни он изъясняется в терминах насилия, либо аспект насилия является неотъемлемой частью его повседневности. Таким образом, маловероятно, что все выявленное ранее будет действовать в качестве психологического сдерживания в том случае, если он снова будет помещен в обстоятельства, где ему придется действовать с беспощадностью ради защиты себя или других. Я уверен, что он вновь окажется способен действовать без промедления. Он окажется способен спустить курок. При этом внешне его разговор не выявляет никаких пагубных последствий от привычки стрелять по людям. Разве что явная удовлетворенность результатом происшествия – смертью подозреваемого – представляется неуместной».

Ирвинг закрыл папку и постучал по ней ухоженным ногтем. Затем приподнял пальцами со стеклянной крышки своего письменного стола длинный темно-русый волос – офицера Мэри Гроссо, должно быть, – и выбросил в стоявшую рядом мусорную корзину. Гарри Босх – это проблема, подумал он. Да, он хороший коп, хороший сыщик... В сущности, Ирвинг завистливо восхищался его успехами в расследовании убийств, в частности его умением обезвреживать серийных душегубов. Но по своему длительному опыту замначальника департамента Ирвинг знал: чужаки плохо приживаются в этой системе. Гарри Босх чужак и навсегда им останется. Он не часть семьи УПЛА. А сейчас в поле зрения Ирвинга попало самое скверное. Босх не только находился вне семьи, но, похоже, оказался вовлечен в некие действия, которые могут прямо навредить семье, поставить ее в неловкое положение. Ирвинг решил, что надо действовать уверенно и без проволочек. Он крутанулся на стуле и посмотрел в окно, на здание мэрии по ту сторону Лос-Анджелес-стрит. Затем его взгляд, как всегда, обратился к мраморному фонтану перед Паркер-центром. Это был мемориал в честь полицейских, погибших на боевом посту. Вот она, семья, подумал он. Вот она, честь семьи. Он стиснул зубы – мощно, веско, торжествующе! Именно в этот момент дверь открылась.

В кабинет широким, уверенным шагом вошли и предстали перед лицом начальства детективы Пирс Льюис и Дон Кларк. Ни один не произнес ни слова. Они могли бы сойти за братьев. У обоих были коротко подстриженные каштановые волосы, неуклюжие туловища тяжелоатлетов с мощными руками. Оба одеты в консервативные серые костюмы: Льюис – в тонкую

угольно-черную полосу, Кларк – в красно-коричневую. Оба скроены широкими и приземистыми – для лучшего перемещения тела в пространстве. Тело у каждого было слегка наклонено вперед, как если бы они вброд пробирались через воду, принимая на себя удары прибойной волны на манер волнорезов.

– Господа, – обратился к ним Ирвинг, – у нас проблема, причем первоочередная, с одним полицейским, который прежде уже переступал порог нашего отдела. Это тот полицейский, с которым вам двоим уже доводилось, не без успеха, работать.

Льюис и Кларк переглянулись, и Кларк позволил себе маленькую, быструю ухмылку. Он не мог догадаться, о ком шла речь, но любил охоту на закоренелых штрафников. Они были такими безнадежно-отчаянными.

– Речь идет о Гарри Босхе, – уточнил Ирвинг. Он подождал несколько мгновений, чтобы это имя хорошенько уложилось в их головах, а затем сказал: – Вам придется предпринять небольшой рейд в Голливудское отделение. Я хочу немедленно возбудить против него служебное расследование. Истом будет Федеральное бюро расследований.

– ФБР? – удивленно переспросил Льюис. – Что же он у них натворил?

Ирвинг сделал ему замечание за употребление аббревиатуры вместо полного наименования Бюро и велел присесть по другую сторону стола. Следующие десять минут он потратил на подробное изложение телефонного звонка, который получил несколько минут назад из ФБР.

– В Бюро говорят, что слишком уж много здесь совпадений, – заключил он. – Я с ними согласен. Он вполне может быть сам замешан, и Бюро хочет, чтобы его отстранили от дела Медоуза. В лучшем случае получается, что он в прошлом году вмешался, чтобы помочь своему бывшему товарищу избежать тюремного срока. А вполне возможно, и затем, чтобы тот мог совершить это ограбление. Было ли Босху заранее известно о готовящемся преступлении, или он только потом оказался вовлечен – этого я не знаю. Но нам предстоит выяснить, что сейчас замышляет детектив Босх.

Здесь Ирвинг опять сделал паузу, чтобы довести свою мысль до сознания слушателей, и с особой силой сжал челюсти. Льюис и Кларк имели достаточную выучку, чтобы его не перебивать. Затем Ирвинг продолжил:

– Эти обстоятельства открывают перед нашим департаментом возможность осуществить в отношении Босха то, что не удалось полностью осуществить прежде. А именно – удалить его. Вы будете докладывать непосредственно мне. Да, и еще: я хочу, чтобы копии ваших ежедневных отчетов передавались непосредственному начальнику Босха лейтенанту Паундзу. Негласно. Но я от вас жду не только письменных отчетов. Я требую, чтобы вы, кроме этого, дважды в день отчитывались передо мной по телефону, утром и вечером.

– Мы сейчас же приступаем, – сказал Льюис, поднимаясь со стула.

– Дерзайте, джентльмены, но будьте осторожны, – наставлял Ирвинг. – Детектив Гарри Босх уже больше не является той знаменитостью, что был прежде, но тем не менее не дайте ему сорваться с крючка.

Босх спускался на лифте с семнадцатого этажа Федерал-билдинг. Растерянность оттого, что агент Уиш так бесцеремонно от него избавилась, сменилась злостью и разочарованием. Они ощущались как некий упругий ком у него в груди. В лифте он был один, поэтому, когда запищал пейджер на поясе, Гарри, вместо того чтобы его отключить, позволил ему отзвонить положенные двадцать секунд. На смену гневу и обиде пришла решимость. Выйдя из кабины, он посмотрел на номер телефона, высветившийся на цифровом дисплее. Перед ним стояло число 818 – код Долины, но сам номер он не узнал. Детектив подошел к группе платных телефонов во внутреннем дворе здания и набрал нужные цифры. «Девяносто центов», – произнес электронный голос. К счастью, у него нашлась мелочь. Босх опустил монеты в щель, и через полгудка трубку снял Джерри Эдгар.

– Гарри, – начал он с ходу, пренебрегая приветствием, – я еще здесь, в Министерстве по делам ветеранов, и толкусь без толку, дружище. У них нет никаких материалов на Медоуза. Сначала сказали, что мне надо обращаться прямо в Вашингтон или принести ордер. Я сказал им, что знаю о существовании досье – понимаешь, на основании того, что ты мне рассказал. Я говорю: «Ладно, хорошо, я поеду за ордером, но не могли бы вы просто посмотреть и удостовериться, что эта папка существует?» И вот они поискали некоторое время и наконец приходят и говорят: да, файл у них был, но теперь его нет. Сказать тебе, кто в прошлом году явился с судебным постановлением и забрал его?

– ФБР.

– Похоже, ты лучше меня все знаешь.

– Я тоже не на хвосте просиживал. Они сказали, когда именно Бюро его забрало и зачем?

– Им не объяснили зачем. Просто пришел агент ФБР с ордером и забрал. Оформил получение в сентябре и с тех пор так и не вернул. Не объяснял никаких причин. Хреновы федералы не обязаны это делать.

Некоторое время Босх молчал, обдумывая информацию. Значит, они там всю дорогу были в курсе. Уиш знала и о Медоузе, и о туннелях, и обо всем прочем, что он ей толковал. Все это был просто спектакль.

– Гарри, ты меня слышишь?

– Да. Послушай, они не показывали тебе копии бумаг о передаче или, может, знают имя агента ФБР?

– Нет, они не смогли найти подтверждение получения ордера, и никто не помнит имени агента. Только то, что это была женщина.

– Запиши номер телефонной будки, где я нахожусь. Вернись к ним в архив и спроси другое досье, просто проверь, там ли оно. Мое досье.

Он дал Эдгару телефонный номер платного таксофона и свои координаты, особенно тщательно проговаривая по буквам первое имя.

– Мать честная, это тебя так называли? – подивился Эдгар. – А для краткости, значит, Гарри. Как твоей мамаше такое в голову пришло?

– У нее был сдвиг насчет художников пятнадцатого века. Подобрала имя к фамилии¹⁴. Давай сходи, проверь мой файл, потом перезвони мне. Я буду ждать.

– Да я даже не смогу это произнести, старина.

– Рифмуется с «анонимом».

– Ладно, я попробую. А ты где, кстати?

– В платном таксофоне, возле ФБР.

Босх повесил трубку прежде, чем его партнер успел спросить что-нибудь еще. Он зажег сигарету и привалился к стене будки, наблюдая, как маленькая группа людей вышагивает по кругу по длинной зеленой лужайке перед зданием. В руках они держали самодельные плакаты, выражающие протест против предложения поставить новые нефтяные вышки в заливе Санта-Моника. Гарри видел лозунги «Скажи нефти „нет“», «Неужели залив еще недостаточно загрязнен?», «Соединенные Штаты „Эксона“»¹⁵ и тому подобные.

Он заметил на лужайке пару теленовостных бригад, которые снимали эту акцию на пленку. «Вот он, ключ», – подумал Босх. Внимание прессы. Появление на публике. Покуда телевизионщики будут толочься поблизости и показывать это в шестичасовых новостях, демонстрация будет иметь резонанс. Пусть даже в виде краткого упоминания по телевизору. Босх заметил, что того, кто, по всей видимости, являлся вожаком этой группы, интервьюирует перед телекамерой женщина, в которой он узнал репортершу с Четвертого канала. Лицо ора-

¹⁴ Герой назван в честь художника Иеронима Босха.

¹⁵ Имеется в виду «Эксон мобил» – крупнейшая нефтяная компания в США.

тора тоже показалось ему знакомым, но он не мог сообразить, откуда его знает. Понаблюдав несколько минут, как мужчина непринужденно распинаясь перед камерой, Босх вспомнил его. Парень был телеактером, игравшим некогда пьяницу в популярной комедии положений, из которой Босх видел пару серий. Хотя мужик все так же походил на пьянчужку, продолжения сериала не было.

Прислонившись к будке, Босх курил уже вторую сигарету, и дневная жара начинала одолевать его, как вдруг, посмотрев на стеклянные двери здания, он увидел, что из них выходит агент Элинор Уиш. Взгляд ее был устремлен вниз, она рылась в сумочке и потому не заметила его. Быстро и не успев понять, зачем это делает, Босх юркнул за ряд таксофонов и, используя их в качестве прикрытия, стал перемещаться позади них, прячась, пока она проходила. Как выяснилось, в сумочке Уиш искала очки. Шагая мимо демонстрантов, она была уже в очках, впрочем не бросив в их сторону ни единого взгляда. По авеню Ветеранов она держала путь к бульвару Уилшир. Босх знал, что гараж федералов находится под зданием. Уиш шла в противоположном направлении. Значит, куда-то поблизости. Зазвонил телефон.

– Гарри, твой файл тоже у них. В ФБР, я имею в виду. Что происходит?

Голос Эдгара звучал взволнованно и настойчиво. Он не любил осложнений. Он не любил загадок. Он был на сто процентов из тех, кто работает только от звонка до звонка.

– Не знаю, что происходит, они мне не сообщают, – ответил Босх. – Поезжай в офис. Поговорим там. Если доберешься туда раньше меня, я хочу, чтобы ты связался со строителями подземки. Узнай в отделе кадров, работал ли у них Медоуз. Попытай также счастья с фамилией Филдз. А потом садись за оформление бумаг по убийству на телевидении. Как мы договорились. Доведи дело до конца. Встретимся на месте.

– Гарри, ты сказал, что знал этого парня, Медоуза. Может, стоит сообщить «шеф-повару», что здесь конфликт интересов и что лучше передать это дело в городской отдел убийств или кому-то еще из наших?

– Мы обсудим это позже. Ничего не делай и ни с кем не говори, пока я не приеду.

Босх дал отбой и зашагал к Уилширу. Он увидел, что Уиш уже повернула на восток, по направлению к Вествуд-Виллидж. Он сократил расстояние между ними, перешел на другую сторону улицы и двинулся следом. Он соблюдал осторожность, чтобы не подойти слишком близко, так чтобы в какой-нибудь магазинной витрине, куда она заглядывала, не возникло его отражение. Когда Уиш достигла бульвара Вествуд, то повернула к северу и, перейдя Уилшир, оказалась на той же стороне улицы, что и Босх. Он нырнул в вестибюль банка. Через несколько секунд он вышел обратно на тротуар – ее уже не было. Он посмотрел в обе стороны, а затем поспешил к углу и заметил ее в полуквартале впереди входящей в Вествуд-Виллидж.

Уиш замедлила шаг перед какой-то витриной, затем остановилась перед магазином спорттоваров. В витрине стояли женские манекены, одетые в спортивные шорты и рубашки цвета лайма. Прошлогодний писк моды. Уиш некоторое время взирала на эти наряды, затем двинулась прочь и не останавливалась, пока не оказалась в театральном районе. Там она свернула в «Стрэттонз».

Следуя по противоположной стороне улицы, Босх, не заглядывая внутрь, миновал ресторанчик и дошел до следующего угла. Он остановился перед «Брюн», под старым театральным шатром, и оглянулся. Она не выходила. Он подумал, нет ли в том заведении задней двери. Взглянул на часы. Было чуть рановато для ланча, но, возможно, она любила опережать толпу. Может, она любит есть в одиночестве. Гарри перешел дорогу и встал у противоположного угла, под навесом театра «Фокс». Отсюда открывался обзор через витрину ресторана «Стрэттонз», но ее не было видно. Он прошел через автостоянку перед рестораном и вошел в задний переулок. Он увидел с той стороны другую дверь, доступную для входа и выхода публики. Означало ли это, что она заметила его и воспользовалась рестораном, чтобы ускользнуть? Прошел уже

немалый срок с тех пор, как Гарри в одиночку сидел у кого-то на хвосте, но ему показалось, что она его не заметила. Он прошел по этому переулку и вошел в заднюю дверь.

Элинон Уиш сидела одна за выгороженным столиком, в ряду таких же деревянных столиков-кабинок, что тянулись вдоль правой стены зала. Как и всякий осмотрительный коп, она сидела лицом к парадной двери, поэтому не заметила Босха, пока он тихонько не опустился на скамью напротив нее и не взял меню, которое она уже просмотрела и бросила на стол.

– Никогда здесь не бывал. Что, приличное место?

– Что это значит? – спросила она с явным удивлением на лице.

– Не знаю, я подумал, может, вам нужна компания.

– Вы что, за мной следили? Вы следили за мной.

– Во всяком случае, я этого не скрываю. Знаете, вы допустили ошибку, там, в офисе. Вы были слишком хладнокровны. Вы переборщили с невозмутимостью. Я прихожу с единственной ниточкой, какая у вас появилась за девять месяцев, а вы заводите разговор о каких-то официальных инстанциях и прочей ерунде. Что-то здесь было не так, но я не мог сообразить, что именно. А теперь знаю.

– О чем вы? Впрочем, не имеет значения, мне это неинтересно.

Она сделала движение, чтобы встать и выскользнуть из кабинки, но Босх протянул руку через стол и твердой рукой сжал ее запястье. Ее кожа была теплой и влажной от быстрой ходьбы. Она застыла, обернулась и так сердито поглядела на него взглядом своих карих глаз, что с помощью этого взгляда можно было, вероятно, выжечь его имя на надгробии.

– Пустите. – Судя по голосу, она еще владела собой, но чувствовалось, что еще немного – и сорвется.

Он отпустил.

– Не уходите. Прошу вас. – Она на миг замешкалась, и он не упустил момент. – Все в порядке. Я понимаю причины того, что произошло. Того холодного приема, который я встретил, – вообще всего. Я хочу сказать, что на самом деле вы проделали хорошую работу. Тут мне не в чем вас упрекнуть.

– Босх, послушайте... Я не понимаю, о чем вы. Я думаю...

– Я знаю, что вам уже было все известно о Медоузе, о туннелях, обо всей этой штуковине. Вы подняли его военное досье, подняли мое досье, вы, вероятно, подняли досье на каждую «туннельную крысу», которая выбралась оттуда живой. В деле ограбления Уэстлендского банка непременно должна была быть связь с тамошними туннелями.

Она посмотрела на него долгим взглядом и уже почти собралась заговорить, когда подошла официантка с карандашом и блокнотом.

– Пока один кофе, черный, и один стакан «Эвиана». Спасибо, – произнес Босх прежде, чем Уиш или официантка успели открыть рот.

Официантка удалилась, делая пометки в своем блокноте.

– А я думала, вы любитель сахара и сливок, – сказала Уиш.

– Только когда меня пытаются раскусить.

Тут ее глаза как будто смягчились, но лишь самую малость.

– Детектив Босх, послушайте, я не знаю, с чего вы решили, что вам что-то известно, но я не намерена обсуждать с вами уэстлендское дело. Именно так я и сказала вам в Бюро. Я не имею права этого делать. Извините, мне действительно жаль.

– Может, мне следовало обидеться за эту проверку, но я не обиделся. То был логичный шаг в вашем расследовании. Я бы сделал то же самое. Вы берете всех, кто соответствует данному профилю – профилю «туннельной крысы», – и просеиваете сквозь сито имеющихся улик.

– Вы не являетесь подозреваемым по делу, Босх, с вас довольно? Так что все в порядке, забудьте.

– Я знаю, что я не подозреваемый. – Он издал короткий принужденный смешок. – Я был временно отстранен от должности и отбывал этот вынужденный отпуск в Мексике, могу доказать. Но вы и так знаете. Поэтому в том, что касается меня, я плюну и забуду. Но мне нужно получить то, что у вас есть на Медоуза. Вы забрали его досье со всеми материалами еще в сентябре. Вы, очевидно, провели полную разработку Медоуза. Внешнее наблюдение... его связи, окружение, биография. Возможно даже – готов поспорить, – вы вызывали его к себе и допрашивали. Все это нужно мне сейчас, сегодня, а не через три-четыре недели, когда какие-нибудь инстанции поставят на этом какие-нибудь визы.

Вернулась официантка с кофе и водой. Уиш придвинула к себе стакан, но пить не стала.

– Детектив Босх, вы отстранены от дела. Я сожалею. Не мне следовало сообщать вам об этом. Но это так. Когда вернетесь к себе в офис, то узнаете. После вашего ухода мы сделали один звонок.

Босх держал чашку обеими руками, поставив локти на стол. Он осторожно поставил ее на блюдце на тот случай, если руки начнут дрожать.

– Что вы сделали? – переспросил он.

– Мне очень жаль, – сказала Элинон Уиш. – После вашего ухода Рурк... помните, тот человек, которому вы сунули под нос фотографию? Так вот, он позвонил по номеру, который был написан на вашей карточке, и поговорил с лейтенантом Паундзом. Он рассказал о вашем сегодняшнем визите и высказал предположение, что налицо конфликт интересов, поскольку вы расследуете смерть своего бывшего друга. Он и еще кое-что прибавил и...

– Что именно?

– Послушайте, Босх, я многое о вас знаю. Я признаю, что мы подняли на вас материалы, мы вас проверяли. Черт, для этого нам даже не требовалось ваше досье – достаточно было почитать тогдашние газеты. О том вашем деле Кукольника. Так что я хорошо понимаю, чего вы уже натерпелись от людей, проводивших внутреннее расследование. Нам не стоило так поступать, но то было решение Рурка. Он...

– Что он еще им сказал?

– Он сказал правду. Сказал, что в ходе расследования всплыли оба имени: ваше и Медоуза. Сказал, что вы знали друг друга. И попросил, чтобы вас отстранили от дела. Так что все это теперь не имеет значения.

Босх смотрел в сторону, за перегородку кабинки.

– Я хочу услышать от вас ответ, – сказал он. – Я подозреваемый?

– Нет. По крайней мере, вы им не были, пока не явились к нам сегодня утром. А теперь уже не знаю. Я стараюсь быть откровенной. Попытайтесь взглянуть на дело с нашей точки зрения. Некий человек, к которому мы приглядывались в прошлом году, приходит к нам и заявляет, что он расследует убийство другого человека, к которому мы приглядывались еще пристальнее. И этот первый говорит: «Дайте мне ваши материалы».

Ей не было никакой выгоды так много ему рассказывать. Он понимал это и понимал, что она, видимо, сознательно ставила себя в трудное положение, вообще рассказывая что-либо. Несмотря на все дерьмо, в которое он угодил или был кем-то впихнут, Гарри Босх начинал проникаться симпатией к холодной, неуступчивой, трудной в общении Элинон Уиш.

– Если вы не хотите говорить о Медоузе, скажите кое-что обо мне самом. Вы сказали, что сначала ко мне приглядывались, а потом оставили в покое. Каким образом вы сняли с меня подозрения? Вы ездили в Мексику?

– Это и другое. – Она некоторое время смотрела на него, прежде чем продолжить. – Вас довольно быстро реабилитировали. Поначалу мы, конечно, заволновались. Я имею в виду, мы просматривали досье людей, имевших туннельный опыт во Вьетнаме, и вдруг там оказывается знаменитый Гарри Босх, детектив-суперзвезда, по следственным делам которого написана пара книжек, снят сериал. И этот парень, чьим именем полнились все газеты, вдруг оказывается в

центре скандала. После месяца внутренних расследований его звезда рассыпается вдребезги и из элитного отдела ограблений и убийств его переводят... – Она осеклась.

– На помойку, – закончил он за нее.

Она уставилась в стакан и продолжила:

– Поэтому Рурк тотчас начал строить умозаключения: а что, если вы именно так провели этот вынужденный отпуск – роя подкоп в банк? Из героев – в мерзавцы. Такой вот способ вновь заявить о себе... нечто безумное, вроде этого. Но когда мы стали изучать вашу подноготную и нынешние обстоятельства, то узнали, что этот месяц вы провели в Мексике. Мы отправили одного из своих людей в Энсеньяду проверить. Вы оказались чисты. Одновременно в Министерстве по делам ветеранов мы затребовали ваши медицинские документы... О, так это вы там сегодня наводили справки, не правда ли? – Босх кивнул. Она продолжила: – Ну так вот, в тамошних медицинских картах были отчеты психиатра... Простите. Это звучит таким грубым вторжением в частную жизнь.

– Я хочу это знать.

– Терапия для переживающих посттравматический синдром. Я хочу сказать, что функционально вы вполне соответствуете. Но у вас порой случаются проявления посттравматического стресса в форме бессонницы и некоторых других вещей – клаустрофобии, например. Однажды врач даже написал, что вы никогда больше не сможете спуститься под землю. Так или иначе, мы подвергли ваши личностные характеристики проверке в нашей лаборатории поведенческой психологии при Академии ФБР в Куантико. Они списали вас со счетов как подозреваемого. Сказали: невероятно, чтобы вы перешли черту ради финансовой выгоды.

Она помолчала, чтобы придать сказанному вес.

– Эти медицинские дела из Министерства ветеранов старые, – сказал Босх. – Вся эта история давнишняя. Я, конечно, не собираюсь сидеть здесь и представлять доводы, почему меня можно считать подозреваемым. Но те материалы старые. Я не обращался к психиатру – при клинике ветеранов или любому другому – уже пять лет. А что касается моей клаустрофобии и боязни труб и туннелей, то я только вчера залезал в одну такую, чтобы посмотреть на Медоуза. Как вы думаете, что бы написали об этом ваши психиатры из Куантико?

Гарри чувствовал, как его лицо краснеет от досады и смущения. Он знал, что наговорил много лишнего. Но чем больше старался сдерживаться, тем больше кровь устремлялась к лицу. Широкобедрая официантка выбрала именно этот момент, чтобы вернуться и подать ему свежий кофе.

– Готовы сделать заказ? – спросила она.

– Нет, – ответила Уиш, не отрывая глаз от Босха. – Пока нет.

– Уважаемые, сейчас в обеденный перерыв сюда нагрянет толпа народу, и стол понадобится тем, кто голоден. Я зарабатываю на тех, кто ест, а не на тех, кто слишком зол, чтобы есть.

Она отошла, оставив Босха с мыслью, что официантки, пожалуй, лучше разбираются в людях, чем большинство копов. Уиш сказала:

– Мне жаль, что все так получилось. Вам надо было позволить мне уйти сразу, как только я собралась.

Смущение Босха прошло, но гнев остался. Он уже больше не смотрел в сторону от стола. Он смотрел прямо на собеседницу.

– Вы думаете, что разобрались во мне по каким-то бумажкам из досье? Вы меня не знаете! Расскажите, что вы знаете!

– Я не знаю вас. Я знаю о вас, – ответила она. Она на миг умолкла, чтобы собраться с мыслями. – Вы институциональный человек, детектив Босх. Вся ваша жизнь связана с социальными институтами. Сначала приют, дома приемных родителей. Потом армия. Потом полиция. Вы никогда не выходили за пределы той или иной институциональной системы. Один ущербный социальный институт за другим. – Она отпила воды, как будто раздумывая, продолжать

ли дальше. Потом продолжила: – Иероним Босх... Единственная вещь, которой вас снабдила мать, – это имя живописца, умершего пять с лишним веков назад. Но я могу себе представить, что перед реальной чертовщиной, выпавшей на вашу долю, та эксцентричная чепуха из причудливых видений, которую он писал, выглядит Диснейлендом. Ваша мать была одинока. Ей пришлось отдать вас в приют. Вы выросли в приемных семьях, интернатах. Вы сумели там не пропасть. Вы выжили во Вьетнаме и удержались в полицейском департаменте. Пока, по крайней мере. Но вы там чужой среди своих. Вы сумели продвинуться до городского отдела ограблений и убийств, но и там всегда были чужаком. Вы всегда все делали по-своему, и в конце концов вас за это выпихнули.

Она медленно допила стакан, по-видимому желая дать Босху возможность прервать ее рассуждения. Он этого не сделал.

– Для этого вам хватило всего одной ошибки, – снова заговорила она. – В прошлом году вы убили человека. Он сам был убийцей, но это не меняло дела. Согласно отчетам, вы решили, что он потянулся под подушку за пистолетом. Оказалось, что он потянулся за своим париком. Ситуация почти комическая, но служба внутренних расследований нашла свидетельницу, которая показала, будто упомянула заранее, что подозреваемый держал накладные волосы под подушкой. Поскольку она была уличной проституткой, достоверность ее показаний была под вопросом. Их оказалось недостаточно, чтобы совсем вышвырнуть вас с работы, но это стоило вам должности. Теперь вы работаете в Голливуде, в отделении, которое большинство людей в управлении называют помойкой.

Голос ее сделался тише и сошел на нет. Тирада ее изнурила. Босх ничего не отвечал, и наступило долгое молчание. Официантка курсировала мимо кабинки, но почла за лучшее не вмешиваться.

– Когда вернетесь обратно в офис, – проговорил он наконец, – попросите Рурка сделать еще один звонок. Он снял меня с дела, он может вернуть меня обратно.

– Я не могу этого сделать. Он не станет.

– Станет-станет, и скажите, что на это у него есть время только до завтра.

– А не то? Что вы можете поделать? Поймите... давайте смотреть правде в глаза. С вашим послужным списком вы к завтрашнему дню будете вообще временно отстранены. После разговора с Рурком Паундз, вероятно, сразу же позвонил в СВР, если только Рурк сам этого не сделал.

– Не имеет значения. Передайте Рурку: либо завтра утром я кое-что услышу, либо завтра же он прочтет в «Таймс» интересный материал. О том, как человек, подозреваемый в крупном преступлении – объект слежки ФБР, – был убит прямо у Бюро под носом, унеся с собой в могилу информацию о том, как было осуществлено напугавшее подземное ограбление Уэстлендского банка. Возможно, не все факты будут точны или расставлены в правильном порядке, но они будут достаточно близки к истине. Что более важно, это будет качественный материал. И он поднимет волну до самого Вашингтона. Помимо того, что он станет шоком, он будет еще и хорошим предупреждением для тех, кто уколошил Медоуза. И тогда вам их уже никогда не найти. А за Рурком навсегда останется репутация человека, который их прошляпил.

Она смотрела на него, отстраненно качая головой, будто находилась где-то далеко.

– Не мне решать. Мне придется пойти к нему и передать ваши слова. Но будь решение за мной, я бы сказала, что вы блефуете. И открыто объявляю вам сейчас, что именно это посоветую ему сделать.

– Это не блеф. Вы же меня проверяли, сами знаете. Я отправлюсь в СМИ, и СМИ меня выслушают, и им это понравится. Пораскиньте мозгами. Вы обязаны сказать ему, что это не блеф. Мне нечего терять. А он ничего не потеряет, возвратив меня обратно.

Он встал и начал выбираться из-за стола. Потом остановился и бросил на стол пару долларовых бумажек.

- У вас есть мое досье. Вы знаете, где меня найти.
- Да, знаем, – кивнула она. Потом окликнула: – Эй, Босх!
- Он обернулся.
- А та проститутка, она сказала правду? Насчет подушки.
- А разве они говорят что-то другое?

Босх припарковался на стоянке позади полицейского участка на Уилкокс-авеню и не бросил сигарету до тех пор, пока не подошел к задней двери. Раздавил бычок об асфальт и вошел внутрь, оставляя позади запах рвоты, доносившийся из зарешеченных окон с тыльной стороны участка, где находились камеры. В заднем коридоре, дожидаясь его, большими шагами прохаживался Джерри Эдгар.

– Гарри, нас срочно вызывает «шеф-повар».

– Угу, насчет чего?

– Я не знаю, но он каждые десять минут выскакивает из своего аквариума, высматривая тебя. Твои пейджер и рация выключены. А некоторое время назад я видел, как двое сильно прикинутых копов из СВР приехали из Паркер-центра и прямоком направились к нему.

Босх кивнул, не сказав, однако, своему напарнику ничего утешительного.

– Что происходит? – выпалил Эдгар. – Если мы влипли в историю, давай выкладывай, прежде чем мы туда пойдем. Это у тебя опыт в таких делах, а не у меня.

– Я сам точно не знаю, что происходит. Думаю, хотят отобрать у нас это расследование. По крайней мере, у меня. – Он произнес это небрежно, с полным равнодушием.

– Гарри, для того чтобы это сделать, не приглашают СВР. Что-то здесь неладно. Послушай, дружище, не знаю, что ты там натворил, но, надеюсь, ты не втянул в это дерьмо и меня? – Сказав это, Эдгар тут же сконфузился. – Извини, Гарри, я не то хотел сказать.

– Расслабься, пойдем узнаем, чего мужик от нас хочет.

Босх направился к помещению детективного отдела. Эдгар сказал, что пройдет через кабинет дежурного, а затем появится со стороны главного входа – так, чтобы не возникло впечатления, что они встретились и сговорились. Когда Босх добрался до своего рабочего места, первое, что он заметил, – это то, что синяя папка с делом Медоуза исчезла. Но он также заметил, что тот, кто забрал ее, упустил из виду лежавшую на ней кассету с записью телефонного звонка в службу спасения. Босх взял кассету и отправил в карман пиджака – как раз в тот момент, когда из-за стеклянной перегородки в передней части детективного отдела загремел голос «шеф-повара». Тот вопил только одно слово: «Босх!» Остальные детективы в комнате оглянулись. Босх поднялся и медленно двинулся по направлению к аквариуму – так называли кабинет лейтенанта Харви Паундза, «шеф-повара». Через стекло он увидел сидящие там же две спины в костюмах. Босх узнал в них двоих детективов из службы внутренних расследований, которые шерстили его по делу Кукольника. Легавых звали Льюис и Кларк.

Как раз когда Босх шагал к кабинету начальства, в помещение детективов через передний холл вошел Эдгар, и они зашли в аквариум вместе. Паундз с мрачным видом восседал за письменным столом. Люди из СВР даже не шелохнулись.

– Во-первых, никакого курения, Босх, понятно? – сказал Паундз. – Сказать по правде, все помещение провоняло, как пепельница. Мне даже нет нужды спрашивать, чья это работа.

Городская полиция объявила курение вне закона во всех помещениях общего пользования, к каковым относилось и помещение детективного отдела. Допускалось курение в отдельном кабинете, если это был твой кабинет или если его хозяин разрешал посетителям курить. Паундз был воинствующим борцом из новообращенных. Большинство из тридцати двух детективов, находившихся под его началом, дымили как паровозы. Когда «шеф-повара» не было поблизости, многие из них предпочитали пойти в его кабинет и там выкурить сигаретку – вместо того, чтобы выходить на стоянку, где была вероятность прозевать нужный звонок и где

из окон вытрезвителя несло мочой и рвотой. Паундз взял привычку запираť кабинет даже на время коротких отлучек до расположенной в том же коридоре двери начальника. Однако любой сотрудник, знающий буквенный код, мог открыть дверь за три секунды. Лейтенант, возвращаясь, постоянно находил кабинет провонявшим. В его отсеке размерами десять на десять футов всегда стояло два вентилятора, а на письменном столе – баллончик освежителя воздуха «Глейд». Поскольку частота задымления пространства возросла с переводом Босха из Паркер-центра к голливудским детективам, Паундз был убежден, что Босх является главным нарушителем. И он был прав, но так ни разу и не застукал его на месте преступления.

– Так, значит, весь сыр-бор из-за этого? – спросил Босх. – Из-за курения в кабинете?

– Сядьте! – выпалил Паундз.

Босх поднял обе руки ладонями вверх, как бы показывая, что у него между пальцами не припрятано сигарет. Затем повернулся к парочке из СВР:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.